

84(2=411.2)6-4
С 654

ЛЕВ СОРОКИН

Маменькин сын

1630838 - КО

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-
УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1975

Друж

художник В. Сусков

84/2-411.2/4-9

С654

ЛЕВ СОРОКИН

КОНТРОЛЬНЫЙ Э.ЗЕМПЛЯР

маленькие повести

◦ МАМЕНЬКИН СЫНОК

• про Мэму

◦ РАССКАЗЫ ПОЛЯРНИКА

Край

8880291

Гос
лимит

МАМЕНЬКИН СЫНОК

I

Июньские дни самые длинные. Июньские вечера самые светлые, и я отчётливо видел дом моего детства: девятиэтажную громаду, которая срослась с такой же серой трёхэтажной подковой.

В первом этаже более низкого дома рядом с подъездом зияла пустота тоннеля, соединяющего два двора — два острова моего детства. Мы называли эти дворы чёрным и парадным. Откуда пошло это название! На чёрном дворе не было ни одного кустика, даже отдельные травинки не могли пробиться сквозь трещины сплошного асфальта, зато здесь всегда высились горы каменного угля. Прямо от них ступеньки вели в жаркую гудящую кочегарку.

Спустишься вниз, толкнёшь дверь — и перед тобой откроется таинственный железный мир. Из чёрных печей вырывается пламя, словно из разинутых пастей Змея Горыныча. Он бросается в нас огнём. Но кочегар дядя Вася, длинный сутуловатый человек с добрыми глазами, под-

хватит лопатой уголь, швырнёт его в раскрытую пасть: «На, мол, ешь, а ребят не трогай!» — и захлопнет дверцу, чтобы железный Змей Горыныч успокоился. Потом бросит уголь во вторую жадную огненную пасть, подойдёт к большому градуснику, висящему на железном котле, посмотрит, вздохнёт почему-то и смахнёт пот. А затем, как обычно, улыбнётся нам:

— Что, чертенята, в гости к чёрту опять пожаловали!

Угольная пыль покрывает лицо дяди Васи, и он издали действительно похож на чёрта — волосы спутаны, и если долго смотреть на них, то они превращаются в рога.

На чёрном дворе ещё стояло каменное здание без окон, но с двумя дверями. В эти двери мы заглядывать не любили. За одной теснились ящики для мусора, за другой — чернобородый великан — дворник дядя Гриша прятал свою великанью лопату и колючую метлу. Мы знали, что она колючая. Она не раз утыкалась нам в спины, когда мы шумели. И никому не хотелось, чтобы дворник снова гнался за нами с этой метлой. Дядю Гришу мы тоже не любили.

А парадный двор, в который вёл тоннель под трёхэтажным домом, был зелёным-презелёным. Развесистые клёны поднялись аж до самой крыши. Они стучапи по утрам в окна.

В газонах с высокой травой тянули друг к другу ветви белые яблоньки и кусты сирени.

Посередине двора, между газонами, темнела круглая чаша фонтана. Фонтан иногда работал. Мы с визгом прыгали под его струи. Если нас ругали за это, мы притворно вздыхали, выжимая рубашки:

— Нечаянно упали, бегали, споткнулись да и свалились в воду.

Около чугунной решётки забора была спортивная площадка.

Мы очень любили и чёрный и парадный дворы, но чёрный больше. Там не было всевидящих бабушек, там не крутилась под ногами малышня, там можно было спрятаться от бородатого дворника за горы угля и слушать таинственные рассказы о сыщиках и разбойниках. Иногда мы воображали себя альпинистами и карабкались на угольные вершины.

Ещё можно было запускать самодельные ракеты или стрелять из самодельных пугачей — их здорово мастерили старшеклассники.

Пока на взрывы или выстрелы примчится дядя Гриша, можно было перемахнуть через забор в переулок и, обежав дом, появиться, как ни в чём не бывало, на парадном дворе.

Правда, однажды взрывом опалило руки двум ребятам, и нас всё-таки поймали. Пришлось о ракетах и пугачах забыть.

На парадном дворе на спортплощадке мы играли в футбол. После непрерывного двухчасового тайма мы валялись в тени яблонь и сирени.

...Теперь парадный двор не узнать. Фонтан уже много лет не работает. Кусты сирени и яблоньки вырубил. Говорят, густая зелень заслоняла окна. Но почему же раньше сирень и яблони не мешали солнечному свету!

...Я шёл по стране своего детства к моей седой маме, которая продолжала жить здесь. И вдруг услышал, как из тоннеля доносятся чьи-то всхлипы. Я заглянул туда. Уткнувшись в стену, плакал щупленький сутулый мальчишка лет семи. Короткая стрижка открывала оттопыренные уши, за которые уцепились дужки очков. Очки мешали мальчишке вытирать слёзы, но он даже не догадался их снять. Видимо, он настолько привык к очкам, что расставался с ними только, когда ложился спать.

— Кто тебя обидел, малыш! — спросил я, обнимая мальчишку за плечи.

— Никто! — буркнул он сквозь слёзы и попытался сбросить с плеча мою руку.

На чёрном дворе о чём-то весело спорили девчонки, а на площадке парадного — группа ребят неистово гоняла футбольный мяч.

— Бей, Ванька! Бей, кому я говорю!

— Эх, мазила!

— Дурак, верный же гол! — раздавались крики.

— Почему ты не играешь с ребятами! — спросил я.

Мальчишка поднял бледное лицо, посмотрел на меня, отвернулся, потом снова посмотрел. Увидел мою сутулость, широкие выпуклые очки и неожиданно доверчиво всхлипнул:

— Не берут они меня, потому что я хилый. И ещё они говорят — маменькин сынок.

— Кто! — переспросил я.

— Маменькин сынок! — повторил мальчишка.

II

А я увидел на месте плачущего мальчишки себя. Я стоял, маленький, бледный, щуплый, в коротких штанишках, и плакал в тоннеле. А мне ребята кричали с площадки:

— Маленький сынок!

— Маленький сынок!

Я только что играл с ними в футбол. Но я задыхался при беге. И меня поставили в ворота. Я видел, как к моим воротам прорывался высокий парень, я следил за его ногами, к которым был словно привязан мяч. Но мяч неожиданно исчез! Мгновенно он перелетел на другую сторону площадки. И страшный удар свалил меня с ног. В глазах потемнело.

— Гол! — восторженно заорали зрители-карапузы.

— Гол! — услышал я чей-то девчоночий смех.

Потом все захохотали. Я попытался подняться и снова сел и заплакал — не от боли, а от обиды. Меня всё же оставили в воротах. Но я просто не успевал поднимать руки, чтобы удержать тугой футбольный шар. И с ходу пропустил ещё пять мячей. Когда счёт стал 10 : 5 в пользу противника, меня с позором выгнали:

— Иди, иди отсюда, хилый! — и добавили презрительно: — Иди домой, маленький сынок!

Я стоял, уткнувшись в прохладную стену, и плакал. Разве я виноват, что почти всё время болел, что в деревянном доме, в котором мы ещё недавно жили, зимой было всегда холодно. В нашей комнате около окна на стене появлялся толстый слой льда. И я всегда простужался...

Я плакал горько и безутешно. Ко мне подошёл самый старший из тех, кто играл с малышами, — Сталька Михалёв:

— Ты чего нюни распустил! Побил тебя кто-нибудь!

— Не, — вытирая слезы, ответил я, — маленький сынок я... Вот...

— А ты не будь им!

— Как это не будь! — я даже перестал плакать.

— Не будь, и всё. Докажи, что ты не маленький сынок. — И Сталька Михалёв ушёл.

Я смотрел вслед:

— Хорошо ему говорить: «Не будь маленьким сынком». Он вон какой сильный, смелый, отчаянный. Может, не держась, по краешку крыши пройти, забраться на второй этаж по ржавой водосточной трубе, может кого угодно побить... Может... Он вообще никого не боится. Даже дворника дядю Гришу.

Я прошмыгнул домой. Пока не было папы и мамы, смыл слёзы и стал напряжённо думать, как же не быть маленьким сынком! Закрыв

глаза и представил, как один из наших ребят тонет. Ветер. Волны с грохотом налетают на берег. Все суетятся, кричат, но с берега не прыгают. Я молча раздеваюсь, говорю людям:

— А ну, пропустите-ка...

Они замирают. Я разбегаюсь и прыгаю в холодную воду... Но ведь я... Не умею плавать! Я же сам пойду ко дну. Бр-р-р! И тут я ещё увидел себя со стороны — раздетым: бледная кожа, тонкие руки!

Лицо словно обожгло. Мне стало стыдно! Я открыл глаза. Всё равно буду ловким!

Я попытался пройтись на руках. Как это делает Сталька Михалёв. И грохнулся на пол, задев ногами за край стола. Со стола упала чернильница и залила чернилами пол. Я завыл от досады. Побежал на кухню, схватил половую тряпку и долго стирал чернильное пятно. Оно потускнело, но зато стало шире. Я подтянул на пятно самотканый полосатый половик. И немного успокоился. В открытое окно залетел Сталькин крик:

— Пацаны, за мной! В чапаевцев играть будем. Видите пулемёт с трещоткой! Сам смастерил.

Я осторожно выглянул из окна. Сталька одной рукой тащил тяжёлый настоящий пулемёт. Ну, не настоящий, но почти настоящий. Из дерева только. Колёса, которые не крутились, длинный ствол, фанерный щиток — всё было покрашено зелёной краской. У «максима», так назывался пулемёт нашего времени, даже ручки были, за которые держатся во время стрельбы. В другой руке Сталька держал диковинную деревянную трещотку. Крутанёшь её — пулемётная очередь.

Ребята побросали все игры и столпились около Стальки. А он стоял, крепкий, светловолосый, курносый, расставив короткие ноги и размахивая невероятно длинными руками, что-то объяснял ребятам.

— Пацаны! — говорил он. — То есть, извините, товарищи бойцы... Кто хочет вступить добровольно в мою дивизию...

Симпатичная соседская девчонка Анка со второго этажа, в коротком сарафанчике, тоненькая, рыженькая, с рыжими веснушками на лице и даже на плечах, пробилась к Стальке.

— Можно мне Анкой-пулемётчицей быть!

Сталька Михалёв, уже превратившийся в Чапаева, сказал:

— Анкой можешь быть, но из пулемёта стрелять буду я. Чапаев до конца из пулемёта строчил. Ты же кино видела.

Я не выдержал и выскочил на улицу.

В белые идти никто не хотел. Все записывались в Чапаевскую дивизию.

— Пацаны! Товарищи пацаны, — говорил Сталька, — так нельзя. Должны же быть беляки! Будем считаться: «Аты-баты, шли солдаты...» — на кого считалочка укажет, тот и белый.

— Нет, — загалдели ребята, — хитрый какой!

— Тогда пусть побудет несколько человек белыми, а потом они станут красными.

— Э...э...э... — как обычно затянул Олег Ходриков, — белыми... Не хотим.

— Ну, ладно, белые во время игры будут называться синими, — великодушно согласился Сталька.

Олег посмотрел на всех и вдруг сказал, увидев меня:

— Э...э...э... Вон маменькин сынок пусть будет белым. И Анка тоже. Откажусь — поколотим.

Мне очень хотелось играть, но я угрюмо сказал:

— Не буду белым! И синим не хочу!

— Почему! — спросил Сталька.

— У меня отец в восемнадцать лет был чекистом.

— В восемнадцать! — недоверчиво переспросил Сталька.

— Ага! У нас дома фотография есть. Девятнадцатого года. Отец молодой-молодой, кудрявый-кудрявый. Сфотографирован с двумя товарищами. Все — в кожаных тужурках, в кожаных галифе, с маузерами в деревянных кобурах. Это он сейчас на штатской работе. Раньше он белых бил. Да ещё как!

— Как! — язвительно прервал меня Олег. — Как! Э...э... не знаешь.

— Знаю. Отец сам рассказывал. Вот однажды бандиты-богатеи восстали. Отец на броневичке заехал в село. Никого. Село как вымерло. Ставни закрыты. А броневичок старый, дребезжит, мотор чихает. «Где же бандиты! — подумал отец. — Надо узнать». Только стал открывать дверцы броневика... — я на секунду прервал рассказ, увидев ошеломлённо, что все внимательно слушают, даже Олег, который больше всех дразнил меня «маменькин сынок».

— Ну и что! — заинтересованно спросил Сталька.

Я, торопясь, чтобы меня дослушали, продолжал:

— В это время из-за домов как выскочат бандиты с гранатами в

руках. Да столько, что броневичку не развернуться. «Назад!» — крикнул отец водителю, а сам маузер из кобуры выхватил и «лимонку» в руке зажал. «Лимонка» — это граната так называется.

— Чего ты нам объясняешь! — загалдели ребята. — Не детсадовские...

— Броневичок дёрнулся. Дверца распахнулась. Тут отец и выпал из броневичка, но на ногах удержался. И увидел перед собой перепуганного бандита в солдатской папаче. Отец как закричит изо всех сил: «Бросай оружие! Вы окружены! Я прислан, чтобы передать вам: сдадитесь — сохраним жизнь! Будете сопротивляться — уничтожим всех как врагов рабоче-крестьянской власти!»

Повстанцы опешили. Они же не знали, что отец из броневика выпал, они же думали, что он выпрыгнул. В этот миг броневичок из пулемёта поверх голов как даст! Ему с окраины села выстрелами ответили. Это отряд чекистский подходил.

Отец оглядел восставших: «Сотни три их! А у нас всего всадников пятьдесят. Если бой — не справимся». Отец гранатой как взмахнул: «Сдавайтесь!» Несколько человек отшатнулись и на землю — бряк!

Тотчас выстрел ударил. Пуля просвистела рядом. Даже ухо обожгла. И тогда все как бросятся... Только не на отца, а на того, который стрелял, как повалят его и давай вязать по рукам и ногам. А потом к броневичку стали кидать винтовки, револьверы, шашки, гранаты, патронные ленты. А в село уже вошёл чекистский отряд...

— Нельзя ему никак белым быть, — среди тишины сказал Сталька.

— Э...э...э... Да врёт он всё! — заорал Олег. — Сочиняет всё... э-э-э... Какой у него отец чекист, у его папаши не то что ордена, даже значка почетного чекиста нет... Э-э-э... Крыса штатская у него папаша, вот кто!

Этого я уже выдержать не мог. Я вклеил Олегу оплеуху и испугался. Олег был на голову выше меня, уже перешёл в пятый класс. Он на двигался на меня с кулаками.

— Стой, — сказал Сталька, — ты, Олег, получил оскорбление. Значит, должна быть не драка, а дуэль. Какое оружие выбирают противники!

У меня не было никакого оружия. Я посмотрел на свои сжатые кулаки. Сталька перехватил мой взгляд.

— Значит, так, оружие — кулаки. Драться до первой крови.

Все расступились, образовав круг. Бежать я уже не мог. Мне бы не

хватило сил прорваться сквозь сомкнутый ребячий строй. И я, закрыв глаза, ринулся на Олега и наткнулся на его кулаки.

Я упал.

— Лежачего не бьют, — сказал Сталька.

Я открыл глаза, увидел перекошенное злобой лицо Олега и любопытные глаза Анки, в которых светились искорки жалости. Я тяжело поднялся. Новые удары свалили меня. Мне показалось, что я оглох. Я видел, что ребята разевают рты, что-то кричат, но я не слышал криков.

Олег пнул меня:

— Э...э...э... Вставай, так и быть, прощаю тебя, маменькин сынок!

И тогда ярость охватила меня. Я вскочил и ринулся на Олега. Я прыгал сквозь его удары, отлетал, как мячик, к ребятам и снова набегал на Олега. Я размахивал руками, ничего не видя перед собой. Но вот опять я стал слышать, словно кто-то вырвал из моих ушей невидимую вату. Эту вату выбило из ушей страшное слово:

— Кровь!

— Кровь! Прекратить бой, пацаны! — приказал Сталька.

«Кровь!» — И я торопливо вытер лицо. Но когда я посмотрел на руки, то увидел вместо крови пот. Поднял глаза на Олега. У того из носа текли красные струйки. Анка сунула Олегу свой платок. Платок быстро превратился из белого в алый.

«Значит, я всё-таки ударил Олега в нос!» — пронеслось у меня в голове, и в тот же миг мне стало жалко Олега.

— Прости, пожалуйста, — попросил я.

Олег ничего не ответил, только промычал своё:

— Э...э...э... — и отошёл в сторону.

А Сталька поднял мою руку, как поднимают руку у победителей на боксёрском ринге, и провозгласил:

— Вот победитель! Теперь будем делиться на красных и синих. А завтра с утра начнём бой, сегодня поздно.

И мы стали делиться.

— Аты-баты! — стучал в грудь каждого Сталька.

Я попал в красные вместе со Сталькой. И Олег, и Анка — в красные. Хотя втайне я надеялся, что Олег-то будет белым.

IV

Но на следующий день игра в чапаевцев не состоялась. Сталька Михалёв построил бойцов и обратился к ним:

— Товарищи пацаны!

Во двор влетел Олег:

— Ребята, э-э-э, айда в парк! Там парашютную вышку открыли!

Все посмотрели на Стальку, но строя не покинули. Сталька подошёл к Олегу:

— А ты не врешь!

— Э-э-э... Землю мне есть, э-э-э... если вру! — заволновался Олег и сплюнул.

— А сколько прыжок стоит!

— Э-э-э... Кажется, копеек десять, — неуверенно протянул Олег.

— Кажется или точно? А ну, пацаны, сколько у нас денег! — обратился к нам Сталька. Строй сломался, ребята шарили в карманах, выживая оставшиеся от мороженого и кино медяки.

Набрали всего пятьдесят копеек. Сталька вынул из кармана рубль.

— Жаль, пацаны, на «Чапаева» не схожу.

— Ты же его шестнадцать раз уже смотрел! — удивилась Анка. — Ты же сам говорил.

— Ещё раза три хотел посмотреть, — сказал Сталька. — Ну, ладно, пацаны. Пятнадцать человек может прыгнуть с моим-то рублём.

В парк отправилось человек двенадцать, остальные побоялись уходить без разрешения со двора. Парк был на окраине города. Нам хватило денег и на трамвай.

Мы сразу увидели парашютную вышку. Она поднималась над золотистыми соснами. Её вершина раскачивалась, словно царапала облака.

На парашюте, который был прицеплен на толстом стальном тросе, как раз опускался какой-то парень. Трос скрипел. Парень стремительно летел вниз. У него были длинные ноги. Может быть, поэтому ему кричали стоящие внизу:

— Ноги, ноги подожми! Ударишься о землю!

Но парень не успел поджать ноги. И ойкнул. Потом осел набок и стал торопливо расстёгивать ремни. Парашют на тросе снова подтянули в небеса. И мы, купив билеты, полезли наверх. Я всегда боялся высоты. У меня кружилась голова, когда я смотрел вниз даже с балкона третьего этажа. А здесь!.. Я оглядывался вниз на каждой новой площадке. Что-то неприятно сжималось в животе. Хотелось сползти обратно. Но позади меня слышалось дыхание Анки.

«Девчонка не боится высоты, а я трус, трус, трус! — твердил я, чтобы отвлечься. — Чего бояться? Трос новый, не порвётся, — убеждал я себя, но где-то внутри меня стучало: — А вот возьмёт и оборвётся! Оборвётся! Оборвётся!»

Я представил себя распластным на земле. Раскинутые руки, раскрытые застывшие глаза, как у мёртвых солдат из кинокартины о гражданской войне. Мне стало жалко не себя, а маму. Мама огорчается из-за каждого пустяка. Из-за порванных карманов, из-за выпачканных углём рубашках, из-за отметки «плохо» в моём дневнике. Она переживает, увидев любую ссадину на моей ноге или руке. А как она плакала, когда я тяжело болел. Нет, я не хотел видеть её заплаканных глаз.

«А я и не увижу, я же разобьюсь, буду мёртвым...» И я вылез на самую верхнюю площадку. По ней гулял свежий ветер. Внизу позванивали трамваи. Каждый из вагонов мог бы теперь уместиться на моей ладони. Как это мы влезали в такие малюсенькие вагоны! У горизонта высились частоколом трубы Уралмаша. А вот та плоская деревянная коробочка на ближней улице — это дом, в котором мы жили до прошлого года. Наконец я отыскал торчащую, как единственный небоскрёб, нашу серую девятиэтажку. Видны были и синие гористые леса, окаймляющие город.

Один за другим прыгали мои друзья. Вот взвизгнула Анка и шагнула в пропасть. Вот прозвучало знакомое:

— Э...э...э... Прощайте, товарищи! — Это прыгнул Олег.

А я стоял и смотрел. Я даже на время забыл о прыжке. Но снизу закричал Сталька:

— Давай быстрее!

И я увидел, что все ребята уже стоят на земле и настала очередь прыгать мне.

Пожилой усатый дядька, который заведовал парашютной вышкой, застегнул на мне ремни, подёргал их и приказал:

— Прыгай, малец. А то я на обед опаздываю.

1630838

Край

Я подошел к краю площадки и попятился.

Внизу захохотали:

— Да он боится!

Я представил, как отстёгиваю ремни, как опускаюсь вниз по крутой винтовой лестнице, как ребята хохочут, хватаясь за животики, и мне стало совсем плохо. Я почувствовал слабость.

— Подтолкнуть, что ли, тебя! — подошёл сзади усатый дядька. — Ты что, трусил, малец! Да ты не того... Бывает это и со взрослыми. Вчера один заводской не сумел прыгнуть.

В это время Анка крикнула снизу:

— Айда, ребята, домой! Чего же его ждать! Он ещё полчаса по лестнице спускаться будет!

Олег подхватил:

— Э-э-э... Маменькин сынок! А ещё отец чекист...

И я прыгнул. Я летел быстро, но когда прыгнул, сразу успокоился. Оказывается, самое трудное — решиться! А потом...

Я не успел поджать ноги, как меня учили, и земля больно ударила по моим пяткам. Боль пронзила до самой головы. Но я даже не ойкнул. Я был на земле и был горд.

— Ты чего задержался! — спросил Сталька.

— Да на город засмотрелся, — ответил я, краснея.

Анка и ребята хохотнули. Сталька не поддержал их:

— Ты впервые видел город с птичьего полёта! Можно засмотреться! — он оглянулся на парашютную вышку: — Пацаны, запевай!

И все грянули:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор.
Нам разум дал стальные руки — крылья,
А вместо сердца — пламенный мотор.
Всё выше,
Всё выше,
Всё выше!..—

пели ребята. Я шёл, чеканя шаг, и мне казалось, что все встречные говорят:

«Посмотрите, какой малец, а как смело прыгнул, как опытный парашютист... Смело!» Я украдкой взглянул на Анку.

Она шла лёгкой мальчишеской походкой и лукаво посматривала на меня. Глаза её смеялись и словно говорили:

— Маленькин сынок-то молодец, оказывается!
Я отвернулся.

V

Трамвай, гроыхая на стыках, с железным визгом преодолевая крутые повороты, уже подходил к площади 1905 года, когда взрослая школьница, сидевшая рядом со мной, ойкнула. Потом вскочила и стала оглядываться.

— Ребята,— обратилась она к нам растеряннo,— вы не видели такую толстую книгу в золотом переплётe... «Три мушкетёра». Она вот тут, рядышком со мной, лежала, на сиденье,— и подозрительно покосилась на меня.

Мы не видели. Все засуетились, стали заглядывать под сиденья:

— Может, упала!

«Три мушкетёра!»— эта книга была мечтой каждого мальчишки. И мы понимали, какая ценность пропала у школьницы.

— Ребята, отдайте! — И кончик длинного носа у школьницы покраснел, ресницы задрожали, в узких глазах появились две слезинки: — Отдайте, ребята, это не моя, это библиотечная книжка.

— Да неужели вы думаете, что мы у вас стащили книгу!— возмутился Сталька.

Школьница взглянула на Стальку— на самого старшего из нас,— не выдержала его прямого взгляда, сказала:

— Извините.— И всхлипнула.

Её некрасивое лицо стало ещё более некрасивым. По щекам пошли красные пятна. Она выскочила из трамвая на остановке.

— Воры! Воры! Воры! — услышали мы.

Расстроенные, словно мы действительно украли книгу, брели по площади домой. Никто уже не обсуждал прыжки с парашютной вышки.

— Воры! Воры! Воры! — звучало в ушах.

А наутро Сталька собрал чапаевцев и синих. Все выстроились. Сталька придирчиво оглядывал всех, заставлял кого-то застегнуть пуговицы, кого-то подтянуть живот. Сам он был похож на бывалого командира, только очень молодого. Сталька надел выцветшую гимнастёрку своего отца. На гимнастёрке чернели дырочки от орденов Красного Знамени. Командирский широкий ремень с медной звездой на бляхе был зави-

стью ребят всего квартала. Стальке предлагали за ремень осколок снаряда и чижики в клетке. Но Сталька не согласился.

Сталька осмотрел ещё раз всех:

— Здравствуйте, товарищи пацаны!

— Здравствуйте! — ответили мы разногласно и вразной.

— А где Олег Ходриков! Сбегай-ка за ним! — приказал Сталька.

— Есть! — ответил я и вихрем бросился исполнять приказ. Мне хотелось отличиться. Я был благодарен, что сегодня ещё никто не назвал меня «маменькин сынок».

На звонок долго не открывали. Потом послышались шаги.

— Э...э...э... Это ты, бабушка! — услышал я недовольный голос Олега. — Э...э...э... А где твои ключи!

И дверь распахнулась. Передо мной, уткнувшись в книгу, стоял Олег. Я увидел, что на книге золотые ободки. Ещё не веря глазам, я наклонился и прочитал: «Три мушкетёра». Олег поднял глаза. В них мелькнуло изумление или страх. Он мгновенно спрятал книгу за спину:

— Э...э...э... Это ты, маменькин сынок! Чего тебе!

Но я повернулся и буквально кубарем скатился с лестницы.

— Воры! Воры! Воры! — стучало в ушах. — Воры! Воры! Воры!

Я вспомнил: первая весенняя трава на школьном дворе. Олег зажмурился от солнца. Он оттопырил куртку и затыкает под брючный ремень стопку учебников. Вот они скрылись под широкой курткой, как будто их и не было. И Олег закричал:

— Э...э... Айда прямо из школы в кино!

А вчера на Олеге была та же куртка!

— Ты чего! Что с тобой! Опять с Олегом подрался! — Сталька внимательно оглядел меня.

Я задыхался:

— Там... У него...

— Да что у него! Пожар!

— «Три мушкетёра!» — выдохнул я.

— Какие «Три мушкетёра»!

— Вчерашние, трамвайные, которые у девчонки пропали.

— А ты не ошибся!

— Нет.

— Но как же он мог взять!

— Папа... папа рассказывал...

— Что рассказывал! — Сталька неожиданно повысил голос: — Смирно! Товарищ боец, приказываю отдышаться!

И я отдышался:

— Папа рассказывал: чекисты своего товарища расстреляли за то, что он кольцо золотое из кладовки взял.

— Какое кольцо! Какая кладовка! Ты уточни! — попросил Сталька. Я увидел, что ребята опять внимательно слушают меня.

— Ещё гражданская война шла. Чекисты у буржуев золото конфисковали, драгоценности всякие. Пока сокровища переписывали, они грудами в кладовке лежали. Кладовку даже на замок не закрывали. Зачем замок-то! В Чека самых честных брали, самых преданных революции... Папа рассказывал, они эшелоны с хлебом в голодную Москву сопровождали. Сами от голода умирали, ни зёрнышка себе не брали. Вот... — я передохнул.

— Что вот! — нетерпеливо дёрнула меня за рукав Анка.

— Вот однажды патруль на базар пришёл. Народу там — видимо-невидимо. Торгуют всем. Барахолка, одним словом. Чекисты спекулянтов задерживают. Смотрят — новичок из Чека. А в руке у него кольцо золотое. Продаёт. Хотел спрятать, да не успел. Патрульные к нему: «Откуда кольцо!» Он и сознался: «Из кладовки. Но я же одно взял, а там их вон сколько валяется».

Наутро его перед строем как грабителя... расстреляли... А Олег «Мушкетёров» украл. Понимаете! Что, в библиотеке на очередь записаться не мог!

— Может, это его собственная книга! — с надеждой сказала Анка.

— А ну, пацаны, за мной! — скомандовал Сталька.

Мы бросились за ним.

Олег открыл дверь не сразу.

— Где книга! — прямо спросил Сталька.

— Какая! — удивлённо протянул Олег.

— «Три мушкетёра».

— Э...э...э... У меня нет «Трёх мушкетёров».

— Но он видел. — Сталька показал на меня.

— Э...э...э... И вы верите маменькиному сынку! — презрительно бросил Олег. — Э...э...э... Это он придумал.

— Покажи твои книги! — приказал Сталька.

— Без мамы в квартиру вас не пущу!

— Взять его, пацаны, — приказал Сталька, — и держать!

Олег не успел захлопнуть двери. Ребята схватили его за руки и толкнули в квартиру.

— Пацаны, за мной! Свидетелями будете! — Сталька прошёл в комнату, где на стеллажах стояли книги Олега.

Через минуту он появился в коридоре, держа в руке «Трёх мушкетёров».

— А это что! — спросил он, потрясая книгой.

— Э...э...э... Это... — Олег явно медлил, — это, наверное, мама купила.

— В библиотеке книг не продают! — отрезал Сталька и раскрыл книгу. — Видишь библиотечный штамп!

— Э...э...э... мне очень хотелось почитать «Трёх мушкетёров»! Я бы вернул книгу в библиотеку... Э...э...э... Потом!

— А если тебе ещё чего-нибудь захочется... новые ботинки... так ты тоже стащишь!

— Э...э...э... Я же вернул бы книгу.

— Вернёшь! А сейчас — расстрелять его! — приказал Сталька.

— Э...э...э... Не имеете права! Я маме скажу!

— Пацаны... Пли!.. — коротко прогрохотала трещотка.

— Всё, для нас ты больше не существуешь, — сказал Сталька, — пошли, пацаны. Вот тебе книга, Олег, — Сталька сунул в руки бледному Ходрикову «Трёх мушкетёров», — немедленно сдай! А то из-за тебя ещё девчонку ту из библиотеки исключат! Библиотека, ты знаешь, за углом... Ну, быстро! Учти, завтра проверю сам!

VI

Игра в чапаевцев всё-таки состоялась. Три дня трещал пулемёт, три дня гремело «ура!», сотрясая стёкла окон. Окна открывались, и разгневанные старики кричали:

— Перестаньте орать!

Особенно неистовствовал чернобородый дворник дядя Гриша. Он всегда с ненавистью смотрел на нас из-под широких лохматых бровей. Как будто мы были кучами мусора, которые ему надо убирать. Казалось, разреши ему, и он, тряся бородой и метлой, с наслаждением вымет бы нас со двора. Чем мы ему досадили? Может, тем, что бежали по газонам, может, тем, что громко кричали. С каким рвением го-

нялся он за нами, когда неосторожным ударом один из ребят вклеил футбольный мяч вместо ворот в окно первого этажа. Зазвенели стёкла. Мы бросились врассыпную. А за нами, грозя метлой, дядя Гриша.

Мы дядю Гришу боялись. Он больно хватал за ухо и приводил к родителям, при этом угодливо улыбаясь.

На этот раз кто-то зацепился ногой за метлу, которую держал в руках дядя Гриша, раздумывая, откуда начать мести. Метла вырвалась из рук дяди Гриши и ударила его по сапогу. Как он взвыл! Словно упала на ногу не метла, а стопудовая гиря:

— Ах вы, охальники! Вот я вас! — и бросился за нами. Схватил наш пулемёт, поднял и ударил с размаху им об угол дома. Пулемёт разлетелся. Тогда дядя Гриша начал топтать обломки своими сапожищами.

— Вы что делаете! — закричал Сталька. А ребята остолбенели. Смешались и чапаевцы и синие. Все с жалостью смотрели, как треснул и разлетелся на части фанерный щиток, как отвалились фанерные колёса и, спасаясь от ударов дяди Гриши, откатились к газону. А дядя Гриша догнал их и пнул.

— Подлец! — сказал громко Сталька.

И дворник замахнулся на Стальку метлой. Удар был бы сильным, но Сталька увернулся. И тут закричал я:

— Белогвардеец! Белогвардеец!

Дворник стремительно повернулся ко мне. В глазах у него была ненависть. Он поднял метлу одной рукой, как гигантскую саблю.

«Сейчас рубанёт!» — мелькнула мысль.

Я сжался, ожидая удара.

Но, подскочив, за метлу ухватился Сталька. Дворник вырвал метлу. Этого мгновения было достаточно, чтобы я ожил.

— Бежим! — крикнул Сталька.

И мы бросились в первый же подъезд. За нами — с метлой дядя Гриша, за ним — все ребята. Мы взбежали на последний этаж. Позади топтали тяжёлые сапожищи. Сталька плечом нажал на тонкую чердачную дверь. Она открылась. Мы выскочили на пыльный чердак, перегороженный толстыми балками. Позади слышалась ругань озверевшего дворника. Сталька нырнул под балку. Я — за ним. Сталька открыл узкое чердачное окно, ведущее на крышу.

— Сюда! — приказал он.

Я послушно подбежал.

— Лезь! — и посадил меня.

Мы оказались на крыше. У меня опять засосало внутри. Я боялся. Высоты. Но отступить было некуда.

Дядя Гриша с метлой, пыхтя, вылез на крышу.

«Бам! Бам! Бам!» — гудела она под сапогами бородатого великана.

— Дуй к другому чердачному окну. И спускайся вниз. А я от него побегаю... — шепнул Сталька и бросился к самому краю крыши. Её ограждала невысокая загородка.

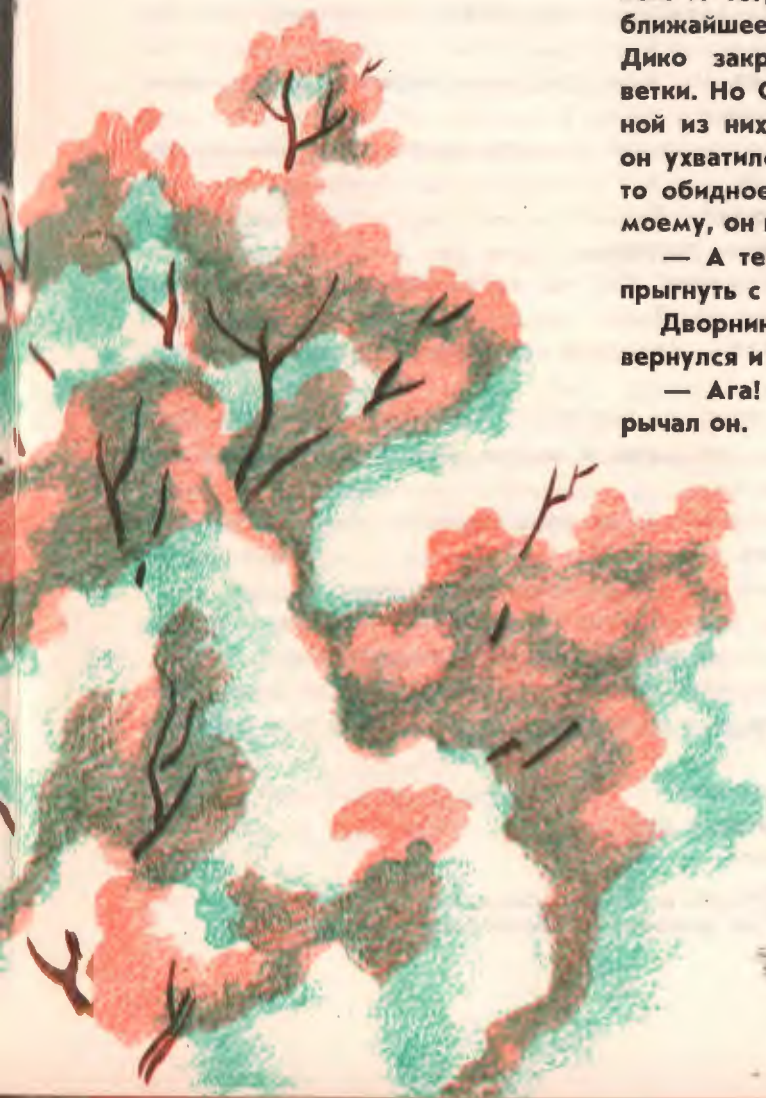
Сталька перешагнул через загородку и заглянул вниз. Почти рядом — на уровне третьего этажа — качались зелёные ветви клёнов.

Дворник был уже рядом со Сталькой. И тогда Сталька прыгнул на ближайшее дерево! Внизу ахнули. Дико закричала Анка. Затрещали ветки. Но Сталька уже висел на одной из них, толстой и упругой. Вот он ухватился за ствол клёна и что-то обидное закричал дворнику. Помоему, он кричал:

— А тебе-то, дядя Гриша, слабо прыгнуть с крыши!

Дворник погрозил метлой, повернулся и увидел меня:

— Ага! — удовлетворённо проорчал он.

Я попятился. И упёрся в ограждающие перильца. Они закачались «Край крыши!» — понял я, и, когда метла дворника опустилась мне на плечо, от страха уже не думая, я перешагнул загородку и... бросился в густую сеть ветвей.

Я сумел ухватиться за одну из них. Но с ужасом услышал, как она треснула.

Очнулся я под деревом. Вокруг испуганно стояли ребята.

— Жив! — воскликнула Анка. — Как ты себя чувствуешь?

— Ничего. — Я всё ещё судорожно сжимал в руках обломок толстой ветви.

— Молодец! — Сталька посмотрел на ребят. — Кто сказал, что он маменькин сынок!

Я попытался улыбнуться. Но, казалось, огонь забрался в мою правую руку. Я с трудом поднялся.

Сталька довёл меня до квартиры. Открыла дверь мама. Она не заплакала, она только сказала:

— Что с тобой! Где это так тебя!

— В футбол играл. Упал, — соврал я.

— Да ты же весь исцарапан! Как же тебе глаз-то не вышибли! Ты же без глаза мог остаться! Эх ты, горюшко моё! — причитая, мама смазывала меня йодом. Нечаянно она задела за горящую руку. Я охнул.

Вернулась домой моя старшая сестра, студентка мединститута. Она молча пощупала мою руку, дёрнула. Я заорал. Сестра метнулась к вешалке, схватила свой плащ:

— Срочно в физинститут! У тебя же рука сломана.

Мама тяжело опустилась на стул.

— Я не пойду, — сказала она. — У меня ноги отнялись.

— Мама, мама, мне не больно. Рука не сломана! — попытался я утешить её. Но сестра решительно подтолкнула меня к дверям.

Я кричал, когда мне выправляли кость. Но на следующий день я появился среди ребят, гордо неся на отлёте запакованную в гипс и бинты свою руку.

Анка встретила меня ласково:

— Больно было! — спросила она.

Я хотел соврать и не смог.

— Больно! — ответил я.

Анка вдруг привстала на цыпочки и поцеловала меня в щёку.

— Жених и невеста! Жених и невеста объелись теста! — загалдели ребята.

Анка вспыхнула.

— Ну и пусть! — показала ребятам язык и убежала.

Я молча глядел на ребят.

— Да мы так... — сказал кто-то примиряюще, — ты — молодчина!

Кочегар дядя Вася, указывая на меня, кулаком грозил дворнику. Дворник угодливо улыбался.

— Боятся, что расскажут твоим родителям, как он тебя заставил с крыши прыгнуть! — сказал Сталька.

Я стоял и улыбался: я больше не был маменькиным сынком, хотя был слабым и хилым и бегал медленнее своих сверстников. Я готов был снова прыгнуть с крыши, хотя Сталька говорил, что у меня был один шанс из тысячи, чтобы уцелеть. Я же не летел прицельно, как он, чтобы уцепиться за самую толстую ветку, а прыгал на дерево, и любой сук мог меня пропороть как штык. Но я всё-таки готов был рискнуть, чтобы меня вновь поцеловала Анка и ребята закричали нам: «Жених и невеста!», чтобы со мной так уважительно разговаривал Сталька, который был меня старше почти на пять лет.

Весь вечер я думал об Анке, о её веснушках. Я представлял, как мы будем с ней дружить до окончания школы. А после того, что между нами произошло, мы должны были дружить! Анка же призналась мне в дружбе, поцеловав меня. Я потрогал свою щёку. Потом я представил себя взрослым в красноармейской форме. На моей груди алеет боевой орден. Я возвращаюсь с границы, где один задержал пятерых, нет, семерых вооружённых до зубов шпионов. Они меня ранили, но не больно. Рука у меня перевязана, как сейчас.

На вокзале играет оркестр, пионеры бегут ко мне с цветами. Все шепчут:

— Смотрите, какой молодой, а уже герой!

А взрослая Анка целует меня в щёку и плачет, плачет.

Я услышал, как хлопнула дверь. Узнал маму по шагам, но не встал с дивана.

— Ты чего без света сидишь!

— Мам, а ты с папой с детства дружила! — задал я ей встречный вопрос.

— Чего это ты! — удивилась мама, но ответила: — Нет, не с детства.

Для меня такой ответ был неожиданным, я думал, что мама с папой • познакомились ещё в школе.

— А когда вы встретились?

— После гражданской войны. Папа служил в Чека на нашей железнодородной станции. И мы встретились.

Мама что-то вспомнила и улыбнулась:

— Красивый он был, кудрявый, высокий, в кожаной тужурке, в красных галифе и маузер на боку. Придёт, бывало, в клуб на станцию, где молодёжь танцевала, и объявляет со сцены:

— Революции нужны не танцы, а субботники! Раз вы танцуете, значит, силы у вас много. Все на разгрузку вагонов!..

На субботниках он работал рядом с нами. А однажды пошёл провозить меня. Сумерки уже. Он и спрашивает:

— Не боишься?

— А чего бояться! — отвечаю.

И тут грохнул выстрел. Пуля сшибла его фуражку. Папа оттолкнул меня за угол дома и выстрелил в ответ. В переулке затопали. Убегали двое. Папа бросился за ними.

— Выходит, он храбрым был! — спросил я.

— Да.

— А почему он не боялся, в него же ещё могли выстрелить!

— Могли. Но человек становится смелым, когда он думает не о себе, сынок, а о своём долге перед людьми, перед страной, о своей работе. А папиной работой была борьба с бандитами.

— Мам, а я, по-моему, трус.

— Признавать свои слабости, сынок, — значит преодолевать их. Будешь думать не о себе — будешь смелым. Я верю. — Мама почему-то дотронулась до шрама на шее.

— Мам, а что это у тебя за шрам!

— След от пули, сынок.

— Когда в тебя стреляли! Ты же не участвовала в гражданской войне!

— Нас посылали колхозы организовывать. Сельские богатеи не хотели этого. И в глухом уральском селе меня встретили выстрелом.

— А ты боялась?

— Боялась, но надо было выполнить партийное поручение. И я выполняла.

За окном громко свистнули.

— Опять тебя вызывают, — вздохнула мама, — неужели нельзя подняться и постучать в нашу дверь! И почему вы сидите в подъездах, а не у нас в квартире!

Я промолчал. Не будешь же объяснять, что в подъезде много ребят и там интереснее: не надо соблюдать тишину, бояться, что разобьёшь чашку, наледишь на полу.

Я подошёл к окну. Под клёнами стоял Сталька с ребятами.

— Мам, я пойду.

— Только ненадолго, а то уже темнеть начинает.

— Ладно! — крикнул я и схватил со стола том Жюль Верна.

— А книгу-то зачем! — бросила вдогонку мама.

Я опять не ответил. Долго рассказывать, что мы в подъезде при слабом свете лампы вслух прочитали повесть «Так начиналась жизнь» о гражданской войне, а сейчас Жюль Верна читаем. О полёте на луну.

VII

Как-то Сталька после школы сказал:

— Ты хорошо рассказываешь об отце. Давай сочиним с тобой книгу, такую же интересную, как у Жюль Верна.

— Давай! — немедленно согласился я.

Сталька, видимо, и не ожидал другого ответа.

— Бумагу и карандаши я уже захватил. Айда на чердак.

— Зачем!

— Там я старый письменный стол видел. Кто-то выбросил.

Мы поднялись на чердак. Около чердачного окошка стоял треногий стол.

— Что-нибудь подставим, чтобы не качался! — успокоил Сталька. — Вот к балке подтащим, и всё.

Свет из чердачного окна падал на слой пыли, покрывавшей стол.

— Фу! — задохнулся я и начал чихать.

— Будь здоров! — весело крикнул Сталька и чихнул.

Мы положили бумагу на стол.

— Ты будешь писать, а я буду диктовать! — решил Сталька.

— Но я же медленнее тебя пишу.

— Ладно! — согласился Сталька. — Буду писать я, а ты диктуй.

— А о чём будем писать!

— Пусть герои у нас будут молодыми чапаевцами. И пусть их пошлют на Луну, нет, лучше на Марс, где местные фашисты всех марсиан поработили. А наши чапаевцы в бурках с шашками наголо мчатся на конях. И начинается рубка.

— А как же коней столько на одной ракете можно поднять на Марс! Читал «Аэлиту»? Кони все не войдут в звездолет.

— А на Марсе свои, марсианские кони. Гривы синие, хвосты алые, и крылья у них ещё есть.

— Но, наверное, у марсианских фашистов и самолёты, и пушки, и танки уже! А мы с шашками наголо!

— Это ты верно заметил! — не обиделся Сталька. — Значит, наши чапаевцы должны быть вооружены новейшим, только что изобретённым оружием. Ну, как в «Гиперболоиде инженера Гарина». Раз — и нет фашистов! Раз — разрезали лучом все танки и всех марсиан.

— Ну, так уж всех! — сказал я. — Невинные могут пострадать. Давай лучше так: наши чапаевцы действуют гипнозом.

— Чем? — удивился Сталька.

— Гипнозом. То есть они могут так посмотреть, что сразу же внушат свои мысли на расстоянии.

— Так уж на расстоянии! — усмехнулся Сталька. — Гипнотизёр гипнотизирует обязательно в тишине, положив человеку руку на затылок, много раз повторяя: «Вы — спите. Вы — спите. Вы — спите». И человек засыпает. Я читал об этом.

— Вот и наши чапаевцы усыпят всех фашистов, идущих в атаку, или внушат, чтобы они побросали оружие. Но внушат на расстоянии. Папа говорил, у них в Чека в годы гражданской войны служил один гипнотизёр. Узнали в Чрезвычайной комиссии, что на поезде, который только что ушёл со станции, уехал переодетый монахом или попом бандит. Рясу напялил и уехал. Знаешь, такую цветастую, блестящую, длинную, до пят! В музее висит. Короткой лесной дорогой наперерез поезду покакали чекисты. Машин у них не было. Но поезда тогда ходили медленно. Угля не было, топки топили дровами, в лесу иногда останавливались, и сами пассажиры заготавливали дрова для паровоза.

Машинист увидел, что из лесу выскочили вооружённые всадники, ка-ак поддаст пару! Думал, что бандиты хотят поезд остановить. Тогда гипнотизёр как пришпорит своего коня. Обогнал поезд. Спешился. Встал на рельсы. Машинист высунулся из будки паровоза, машет руками:

— Уйди, а то задавлю!

А гипнотизёр внушает ему мысли. Смотрит и внушает: «Останови поезд!»

И поезд остановился. Ну, бандита переодетого поймали...

Сталька засомневался:

— А если машинист остановил паровоз не из-за внушения, а просто не хотел давить человека, стоящего на рельсах!

— Нет! — убеждённо сказал я.

Сталька подумал.

— Пусть будет так. Чапаевцы — все гипнотизёры. Гипноз — это новое бескровное оружие. Значит, начнём наш роман так... «Шёл тысяча девятьсот сорок первый год... Фашисты начали войну на Марсе. Марсиане попросили о помощи землян...» — Сталька вздохнул.

— Что-то скучно получается.

Роман не писался. Сталька отложил карандаш.

— Давай лучше гипнозом займёмся!

— Давай! — снова охотно согласился я.

Мне было всё равно, чем заниматься, только бы находиться рядом со Сталькой.

Мы стали, не мигая, смотреть друг на друга.

— Что чувствуешь! — через несколько минут спросил Сталька. — Внушил я тебе что-нибудь!

— Нет, — неуверенно протянул я, боясь обидеть Стальку. — А ты!

— И я ничего не чувствую. Правда, в сон немного клонит. — И он зевнул. — Наверное, у нас не получается, потому что нет силы воли. А гипнотизёр должен обладать волей твёрдой как сталь...

— Сталь! — повторил я, и в голове закрутилось: — Сталь! Сталька! Сталь! Сталька!

От такого открытия я опешил:

— Сталька, а как тебя будут звать, когда ты будешь взрослым!

— Сталь, — ответил Сталька. — Мама с папой меня называли так, чтобы я был твёрдым как сталь. Ты не удивляйся. Вот у нас в четвёртом подъезде Алька живёт, десятиклассница. Так полное имя у неё Социалина. В честь социализма называли. А Ина из третьего подъезда — Индустрина, в честь индустрии, отец и мать у нее инженеры. А в школе у нас есть Тракторин. А я Сталь.

Наш разговор прервал крик со двора:

— Ребята, — кричал Олег, которого уже простили все, — ребята, э-э-э... наши Западную Белоруссию и Западную Украину освободили!

— Слышишь! — огорчённо спросил Сталька. — Опять без нас обошлись! Что же мы-то будем делать! А всё-таки это здорово — освободили! Бежим в кочегарку к дяде Васе. Может, он ещё не знает. Он же белорус, обрадуется!

— А как же наш роман о чапаевцах!

— Пускай полежит здесь, потом продолжим.

Уже выходя с чердака, я оглянулся. Ветер шевелил листок, на котором было написано: «Шёл тысяча девятьсот сорок первый год. Фашисты начали войну на Марсе...»

До сорок первого года было ещё почти пятьсот дней! И разве могли мы знать, что именно в сорок первом году фашисты начнут войну! Правда, уже тогда говорили о возможной битве с фашистами. А за несколько месяцев до войны отца призвали в армию и перевели на казарменное положение. Помню, как иногда по воскресеньям он забегал домой и я с удовольствием смотрел на его «шпалу» в петлице.

— Ты комбат! — спрашивал я.

— Капитан, — улыбался отец.

И всё же война началась для всех неожиданно. В первый же день мы побежали в военкомат. Около двухэтажного старого здания толпились взрослые, хмурые, молчаливые, с вещмешками, с походными котелками. Они скрывались в дверях военкомата, потом появлялись вновь. Женщины обнимали их и плакали.

— Где здесь записывают в добровольцы! — спросили мы.

— Не путайтесь под ногами! — строго приказал затянутый в ремни военный с тремя красными кубиками на зелёных петлицах, пришитых к воротничку гимнастёрки.

А Стальке этого не сказали. Через два дня мы узнали, что Сталька уезжает в военное училище.

Ему было семнадцать. И он окончил школу. А мне в июне исполнилось только тринадцать лет.

VIII

— А что стало со Сталькой? — вдруг услышал я.

Это спрашивал мальчик в очках. Он уже не плакал. Мы давно сидели на скамейке возле детской песочницы.

Там, где скрылось солнце, горизонт ещё был светлым, но в потемневшем небе зажглись звёздочки.

— Сталька погиб в сорок втором, поднимая свой взвод в атаку. Об этом я узнал после войны.

— А дворник! — спросил мальчик.

— А дворник, говорят, сдался фашистам в плен и служил у них в полициях.

— А дядя Вася, кочегар!

— Он освобождал родную Белоруссию, храбро сражался, офицером стал.

— А где Анка!

— Она уехала из нашего дома с родителями ещё в первый год войны. И больше я её не видел.

— Знаете, я тоже докажу всем, что я не маменькин сынок! — убеждённо сказал мальчик.

— Докажи. — Я ласково потрепал его по голове. — Ну, иди домой. Это тебя, наверное, зовут!

Из открытого окна несло протяжное:

— Аркаша! Где ты! Аркаша! Сейчас же домой! Кому я сказала, Аркаша!

— Иду! — крикнул Аркаша и поднялся.

— До свидания!

— До свидания, малыш! Успехов тебе! — ответил я и взглянул на окно четвёртого этажа, где жила моя седая мама. И огорчился: окно уже погасло. Видимо, мама легла спать.

«Завтра зайду!» — решил я и медленно пошёл к воротам. У ворот я остановился и ещё раз оглядел двор.

Постаревшие, поредевшие клёны что-то шептали. Я прислушался, мне показалось, что они шепчут: «Слышишь нас, слышишь нас!»

— Я слышу вас. Слышу. А вы меня!

«Шу-шу-шу!» — зашумели клёны.

В доме одно за другим гасли окна.

Вот погасло окно, в котором когда-то появлялась Сталькина светлая непричёсанная голова.

— Я сейчас, пацаны! — говорил он.

Вот погасло окно, из которого Олег Ходриков часто кричал мне:

— Э-э-э... Маменькин сынок!

«Нет, он не маменькин сынок!» — вдруг зажглось, словно споря, другое окно, в которое мы когда-то бросали камушки, чтобы вызвать на улицу Анку.

— До свидания! — сказал я окнам-друзьям.

— До свидания! — неожиданно услышал я в ответ.

На балконе второго этажа стоял мальчик в очках и махал мне рукой. Даже в сумерках я различал его лицо.

Июньские дни самые длинные. Июньские вечера самые светлые.

про Машу

КАК ТЯПА ПОЯВИЛСЯ В НАШЕМ ДОМЕ

Едва солнечный зайчик заскакивал в комнату через щёлочку между шторами, Машенька раскрывала глаза и задавала вопрос:

— Мама, когда купим собачку!

Этот вопрос она задавала по утрам много-много раз.

— Скоро! — привычно отвечала мама.

— А когда скоро! Совсем скоро-скоро! Ты же обещала. — Машенька соскакивала с кровати и подбегала к маме.

— Обещала. — Мама подталкивала Машеньку к ванной комнате. — А теперь беги умывайся.

Но Машенька упиралась:

— Взрослые должны выполнять обещания. Я же не прошу овчарку или дога. Мне бы вот такую маленькую болонку!

Машенька помнила разговор с папой о том, что она ещё сама за собой по-настоящему не научилась прибираться в комнате. Как же она может справиться с догом или овчаркой! Они же растут быстрее, чем дети. Папа убеждал примерами. Он говорил про соседей с третьего этажа. У них овчарка выросла ростом с телёнка. Две сестрёнки-школьницы тщетно кричали ей:

— Нельзя! Назад!

Овчарка не слушалась их. Однажды она перегрызла в квартире всю обувь, распотрошила подушки и диван. Машенька видела этот диван. Его выносили из подъезда три человека. С трудом поставили в длинную машину с высоким ящиком вместо кузова. Из-под разорванной обшивки дивана торчали во все стороны пружины, словно непричёсанные кудри синтетической куклы. Потом овчарку соседи держали три дня на балконе. Овчарка становилась передними лапами на оградку балкона и лаяла на всех прохожих. Она царапалась в двери и иногда жалобно подвывала. Затем овчарка исчезла. Во дворе говорили, что её отдали пограничникам. Пограничники воспитают её. И она будет ловить шпионов. Так две девочки-сестрёнки не сумели справиться с одной овчаркой.

Папа напомнил и про лайку, она жила на втором этаже.

Лайка по вечерам пулей выскакивала из подъезда. Сильная, высокая, она тащила за собой на длинном поводке щуплого хозяина. Казалось, что не хозяин ведёт гулять лайку, а лайка тащит упирающегося хозяина на улицу.

Конечно, Машенька не смогла бы справиться с такой собакой. Она была согласна иметь ласковую, лохматую, маленькую болонку. Ну, совсем крошечную! Беленькую как снег! Мама обещала, что такую собачку она купит. Папа морщился. Но не возражал. Он вообще старался не возражать маме: болонка так болонка!

— Но когда же! — спрашивала Машенька.

— Скоро! — обещала мама.

— Скоро! — отвечала она и через день, и через неделю.

Однажды Машенька проснулась раньше солнечных зайчиков. Декабрьское солнце поднималось поздно. Раскрыв глаза, она заученно затынула:

— Мама, когда купим собачку!

— Сегодня! — ответила мама.

Машенька не поверила. Ей показалось, что мамин ответ приснился.
— Когда!! — закричала Машенька, вскочила с кровати и в одной ночной рубашке, босиком зашлёпала в кухню.

Мама, как всегда, возилась у газовой плиты. Два синих костерка плясали под кастрюлей и чайником. Чайник ворчал. Ему было жарко. Когда в кухню вошла Машенька, он начал подбрасывать металлическую крышку, словно хотел её снять. Он пыхтел: ух! ух! ух!

— Разухался! Потерпеть не можешь! — Машенька выключила газ и повернулась к маме. — Правда, сегодня!

— Сегодня. — Мама продолжала спокойно чистить тощую морковку.

— И папа согласен! — недоверчиво спросила Машенька.

— И папа. — Мама бросила морковку в кастрюлю.

— Сегодня! Сегодня! Сегодня мы купим собачку! — Машенька подпрыгнула, обняла маму и закружилась с ней: — Сегодня! Сегодня! Собаку мы купим! Собаку, собачку, собачечку!

— Сумасшедшая! — ласково оттолкнула её мама. — Мы же с тобой на плиту налетим. Марш в ванную!..

Через час Машенька вслед за мамой и папой входила в квартиру какой-то незнакомой женщины. Мама обняла её:

— Здравствуй, Неля!

Тётя была весёлая. Стриженная под мальчишку, она походила на

школьницу. Вот только морщинки на лице, когда она улыбалась. А улыбалась тётя Неля беспрерывно:

— Вы за щенком пришли! Проходите, проходите... Щенкам уже по месяцу. Их можно забрать.

Тётя Неля распахнула дверь в комнату. По паркету ползали три белоснежных комочка.

— Выбери, Машенька! Какого возьмёшь!

— Ой! — Машенька растерялась. Ей хотелось взять всех. Они пищали и наперегонки ползли к протянутой руке.

И вдруг Машенька увидела: в стороне ковыляет медлительный лобастый щенок. Голова у него большая, тяжёлая. Она всё время касается пола. Ноги у него разъезжаются. И он жалобно попискивает!

Машенька показала на него:

— Этого возьмем!

— Мыслитель! — посмотрела на него мама.

— Философ! — засмеялся папа.

В это время щенок тяпнул своими тёплыми чёрными губами Машеньку за палец.

— Тяпа! Он Тяпа! — воскликнула Машенька.

— Полгорода Тяп! — буркнул недовольно папа. — Каждая вторая болонка — Тяпа.

— Всё равно Тяпа! — заупрямилась Машенька.

— Пусть будет Тяпа! — согласилась мама.

Папа осторожно взял Тяпу и сунул его за пазуху. Тяпе нужно тепло, а на улице мороз.

Тяпа попытался высунуть голову, но папа покрепче запахнул пальто. Тяпа зашевелился-зашевелился и затих: наверное, пригрелся.

Дома щенка осторожно поставили на пол. Ноги у щенка разъехались. И он еле-еле дотянулся до блюда с молоком.

Мама принесла картонную коробку с высокими бортиками:

— Вот и дом для Тяпы.

Тяпа охотно влез на подставленную руку и оказался в коробке. Там он, попискивая, забился в уголок. Он искал свою маму. Потом уткнулся в тёплую ладонь Машеньки и заснул.

— Ты должна сдержать своё слово, — сказал папа, — и на отлично закончить второй класс.

— Конечно. — Машенька счастливо улыбнулась: дома — щенок. И зовут его — Тяпа.

ЧУЖОЙ

Тяпа рос быстро. Скоро его голова уже не казалась такой лобастой, такой большой и тяжёлой. Весь он покрылся волнистой белой шерстью. Выделялись только чёрный нос и такие же чёрные блестящие губы. Нос и губы казались выкроенными из трёх кусочков лакированной кожи. Глаз не было видно. Их закрывали от солнца шерстинки, ресниц у Тяпы не было. Когда он моргал, над глазами подрагивала шерсть. Порой прохожие удивлялись. Один мальчик даже крикнул своей маме:

— Смотри, смотри — слепая собака!

Тяпа, видимо, обиделся и бросился с лаем на мальчика.

Мальчик спрятался за маму и удивлённо протянул:

— Ой, как же она меня увидела!

Но чаще всего прохожие останавливались и восклицали:

— До чего же симпатичный пёсик!

Или:

— Ах, какой милый щенок!

И Тяпа, словно понимая, что его хвалят, закидывал набок пушистый хвост. Он гордо шёл на поводке, смешно перебирая короткими лапами.

Но однажды, когда мимо Тяпы провели мрачного, мускулистого,

злобного боксёра и великана — московскую сторожевую, кто-то сказал:
— Вот это собаки! Польза от них. Никто не обидит хозяина! А болонка — комнатная, так, для забавы.

Машенька чуть не заплакала. Как можно сказать про лохматого друга, что он для забавы! Тяпа — умный. Разве знают прохожие, что Тяпа — чуткий сторож.

Он мог лежать в любом дальнем углу. Но если по лестнице за дверью кто-нибудь проходил, Тяпа с лаем бросался к дверям! Он гавкал до тех пор, пока с лестничной площадки не уходили. Он словно говорил:

— Я знаю, здесь кто-то есть! Лучше уходите от дверей! Я зову хозяина!

— Кто-то чужой за дверью! — говорила мама.

— Чужой! — откликнулся папа. — Ты прогнал чужого, Тяпочка! Молодец!

— Это чужой прошёл! — чётко произносила Машенька.

И, наверное, поэтому при слове «чужой» Тяпа стал грозно бросаться к дверям. Вот какой Тяпа! А прохожий не знает, так пусть не говорит, что болонка бесполезная.

— Правда, Тяпа! — погладила Машенька своего пса. И он ответил:
— Гав!

ТЯПИНА КРОВАТЬ

У Машеньки было несколько кукол. Но самой любимой была кукла с голубыми глазами в голубом платье. Куклу можно было взять за руку и вести. Она передвигала ногами, вертела головой и при этом произносила: «Мама!» Но кукла скоро сломалась. Машенька положила её на кукольную кровать, которую поставила в уютном уголке около серванта.

Тяпа часто подходил, обнюхивал голубоглазую красавицу, трогал её лапой. Как-то Машенька убрала куклу, а на кровать положила Тяпу.

Тяпа сердито фыркнул. И спрыгнул с кровати. Но Машенька снова его положила и сказала строго:

— Лежать! Кому говорю!

Тяпа что-то проворчал на своём собачьем языке, повозился на кровати, свернулся клубочком и затих. Кровать была для большой куклы, и

Тяпе она оказалась по росту. На пружинах кровати лежал мягкий кукольный матрац, розовое одеяло.

Машенька занималась и забыла о Тяпе. Когда она взглянула на кровать, Тяпа сладко посапывал во сне, иногда повизгивал: наверное, видел какой-то сон.

На следующий день Тяпа опять подошёл к кукольной кровати и, увидев в ней куклу, заворчал, потрогал её лапой раз, другой... и сбросил на пол. А сам взгромоздился на мягкую перинку, на розовое одеяльце. Так у Тяпы появилась своя кровать.

Когда приходили гости, они удивлённо говорили:

— Да ему в цирке надо выступать!

Прошло три года. Тяпа повзрослел. Кровать теперь ему мала. Он садится на неё, только когда моют полы, и следит за тряпкой. Но зато, если быть непогоде, Тяпа обязательно лезет в свою тесную постель. Он сворачивается колечком, голову кладёт на металлическую спинку и так спит.

Если пёс чем-то занят и ему сказать:

— Тяпа! Твою кровать хочет занять кукла!

Тяпа молнией бросается и рычит:

— Не отдам!

— И не надо! — говорит Машенька. — Это Тяпина кровать и всегда будет Тяпина. Спи, Тяпочка, не волнуйся.

ПОБУДКА

Тяпа — собака деликатная. Если спят хозяева, пёс ходит «на цыпочках». Только стучат коготки: тук-тук-тук. Или тоже лежит, ждёт.

Встаёт Тяпа вместе с хозяйкой. Рано. Только мама поднимется, Тяпа тут как тут. Потягивается, головой мотает, сон с себя стряхивает.

А когда Маше просыпаться, включают радио. Как раз из Москвы позывные «Последних известий». Тяпа это всё давно знает. При звуках позывных он бросается на дверь в комнату, где спит Маша, становится на задние лапы, пытается открыть. А дверь не поддаётся. Тогда Тяпа разбегается и распахивает её. Он подбегает к кровати и начинает будить Машеньку:

— Гав-гав! Вставай! Пора! Пора в школу!

Машенька отворачивается к стенке. Тяпа зубами хватает край одеяла, тянет и рычит:

— Вставай, ленивица!

Вот тебе и бесполезная собака!

СОБАЧИЙ КАЛЕНДАРЬ

Есть ли у собак календарь? Наверное, есть. А то откуда же Тяпа знает про выходные дни!

В понедельник, во вторник, даже в пятницу Тяпа спокойно провожает папу и маму на работу, Машеньку — в школу. Он молча смотрит, как все суетятся, торопятся.

Но вот наступает суббота, воскресенье... И Тяпу — не узнать! Он с утра внимательно следит за каждым движением хозяев. В эти дни они на работу не уходят, значит, возьмут его с собой. Тяпа уже «высчитал» эти дни, узнал их по своему собачьему календарю.

Он наклоняет голову то в одну, то в другую сторону, прислушиваясь к разговорам: ждёт заветного слова «гулять». Это слово он отличает из тысячи.

При слове «гулять» Тяпа начинает свой необыкновенный собачий танец радости. Он вертится посередине комнаты, ловит себя за хвост. Потом бросается к хозяевам, кусает их за пятки. Кусает он, конечно, шутя и нисколько не больно. Ведь сегодня он пойдёт гулять надолго, на целый день. На Шарташ!

Дорога на Шарташские дачи ему известна: через железнодорожное полотно, по лесным тропкам, к знакомой крутой и длинной лестнице. Он влезает по этой лестнице первым.

Тяпа любит Шарташ. Здесь среди высоких пахучих цветов он может гоняться за мухой, за яркой бабочкой, может поесть вкусной-превкусной полезной-преполезной травы. Ещё с каким аппетитом жуёт! Машенька и не думала, что собаки тоже бывают травоядными.

Но откуда Тяпа знает, какая трава самая полезная! Папа сказал, что это знание у собак от рождения. И плавать их тоже никто не учит. Машенька хорошо помнит, как они с Тяпой катались на лодке. Тяпа был ещё щенком. Он сидел на корме рядом с мамой. Было жарко. Тяпа наклонился, стараясь напиться прямо из озера. И вдруг — упал.

— Он утонет! — закричала Машенька. — Ой, он утонет! Он же не умеет плавать!

— Успокойся, — сказал папа, — смотри, Тяпа плывёт.

Щенок быстро-быстро перебирал лапками. Только мордочка торчала над волнами. Мама схватила Тяпу за ошейник и втянула в лодку. Тяпа отряхнулся так яростно, что брызги полетели на всех, как из душа. А потом снова уже сам прыгнул в воду... Тяпа сразу полюбил купание.

А дома он не прочь помыться в ванне. Встанет на задние лапы, передними цепляется за край ванны. Папа смеётся:

— Как лектор на кафедре!

Хорошо быть чистым! Чумазые собаки никогда не нравились Тяпе. Он с ними просто не здоровался. К тому же, когда Тяпа чистый, все наперебой берут его на руки.

Какая же собака откажется от такого счастья!

Ладно уж, пусть моют сколько хотят, даже с мылом.

А вот слово «чесать» Тяпа не любит. Мама чешет его часто. Густым гребешком. Тяпа ворчит, показывает зубы. Но гребешок не боится, рвёт густые шерстинки. Тогда Тяпа хватает его зубами. Мама шлёпает Тяпу, и Тяпа терпит. Зато, когда расчешут и высохнет шёрстка, можно услышать заветное слово «гулять» и пуститься в пляс.

А сегодня какой день! Тяпа замирает. Ох, только пятница! И Машенька выведет его лишь на короткие десять минут перед уходом в школу. Даже со всеми знакомыми кустиками не поздороваяешься. Не успеть. Быстрей бы суббота с воскресеньем!

СПРАВЕДЛИВЫЙ!

Тяпа — собака справедливая. Тяпа не переносит, когда в его присутствии кого-то обижают. Стоит только сорваться с места, побежать, громко закричать, как Тяпа бросается на нарушителя порядка.

Не любит Тяпа, когда ссорятся, особенно — дома.

Если мама повышает голос, обращаясь к папе, Тяпа сердито кидается к маме с лаем:

— Зачем обижаешь папу!

Стоит папе заговорить громче обычного, как Тяпа уже бросается к папе и начинает лаять:

— Гав-гав! Такой большой, а шумишь.

А попробуйте сделать вид, что вы замахнулись на Машеньку. Тяпа забывает всякий страх. Он бросается на обидчика.

Но в обычное время Тяпа больших собак очень боится.

Шли они однажды с папой на Шарташ. Папа заговорился с каким-то дядей. И вдруг из-за кустов вышла московская сторожевая. Одна голова больше, чем весь Тяпа! А пасть! Даже вспоминать не хочется. Тяпа

войдёт в такую пасть как в ворота. Проглотит лохматый — и не подавится! Что же делать!

Пёс подошёл и обнюхал Тяпу.

Тяпа упал на спину, подняв лапы, как будто сдавался.

Пёс-великан понял, что с этим щенком не стоит связываться. Ещё умрёт со страху. И отошёл.

А Тяпе было потом стыдно перед папой. Тяпа бежал рядом и заглядывал папе в глаза:

— Ты пойми меня. Я же маленький, что же я мог сделать с великаном!

Но однажды на улице такая же рослая собака, но только гладкая-прегладкая, выскочила из-за кустов. Тяпе показалось, что собака бросилась на папу, и он с лаем ринулся на чёрную громадину. Пёс опешил. Секунды хватило, чтобы папа поднял Тяпу на руки. Ну а с высоты совсем не страшно смотреть на любую собаку. И Тяпа отважно и долго лаял. Но тут прибежал хозяин чёрного пса и увёл его.

А Тяпа разволновался, у него отчаянно колотилось сердце. Потом он два дня не ходил на эту улицу, уводя папу в сторону. Но всё равно папа сказал про Тяпу:

— Маленький, а храбрый!

ТЯПА И КУЗЯ

Однажды к Тяпе пришёл в гости дальний родственник — тонкая, энергичная болонка Кузя!

Как выяснилось, у Кузи заболела хозяйка. Её увезли в больницу. А одна собака дома жить не может.

И Кузю привели к Тяпе жить. На целый месяц.

Тяпу потрясла Кузина бесцеремонность. В первую же минуту он подошёл к Тяпиной тарелке и без разрешения съел всю колбасу, а потом выпил всю воду.

Затем Кузя прыгнул в кресло. И разлёгся! А Тяпа знал, что прыгать на столы, кровати и на это старое папино кресло строго-настрого запрещается.

Тяпе только иногда разрешали полежать в кресле: после ванной, чтобы Тяпа мог обсохнуть.

Но больше всего Тяпу удивило другое: Кузя умел петь!

Папа включил телевизор. Кузя подбежал, прислушался. Какой-то мужчина пел протяжную песню. И Кузя неожиданно завыл. Он подвывал искусно, нота к ноте.

Тяпа залаял.

— Прекрати! — крикнул папа. — Певца ещё можно слушать, но тебя...

Однако Кузя пел до тех пор, пока не раздались аплодисменты. А когда загремел джаз, Кузя равнодушно ушёл в другую комнату. Он не понимал современной музыки.

Ну хорошо, пел бы днём. Мама всегда днём поёт: «Зачем вы, девочки, красивых любите!»

А Кузя выдумал петь ночью.

Проснулся Тяпа от жуткого воя. На кресле сидел Кузя, раскачивался и пел.

Проснулись и папа с мамой.

Папа сказал маме:

— Слышишь, как нехорошо собака воет!

Мама возразила:

— Нет, это Кузя поёт.

Папа засомневался:

— Но музыки-то не слышно.

Мама встала, вышла в соседнюю комнату: за стеной, у соседей, кто-то играл на гармошке. Поздно, а там всё ещё день рождения справляют.

Тихонько гармонь выводит задушевную мелодию. У Кузи слух острый: вот он и подхватил песню.

Гулять Тяпу и Кузю стали выводить вместе. Соседи удивились:

— Что, у Тяпы сын появился!

Тяпа даже обиделся: неужели не видят, что Кузя не похож на него!

— Да нет, — говорит мама, — пришлось взять Кузю к себе, хозяйка заболела.

А Кузя в это время потянул в одну сторону, а Тяпа — в другую. Мама крутилась, крутилась и запуталась в поводках.

А однажды Кузя вырвал у папы из рук поводок и помчался к улице Восточной. Наверное, решил навестить свой дом.

А на Восточной грузовики и легковые друг друга обгоняют, ревут, торопятся.

Папа очень расстроился: опять Кузя под машину попадёт.

Кузя, когда был ещё щенком, решил поиграть с такси, которое мчалось мимо. Такси не успело увернуться и ударило Кузю так, что Кузя еле выжил! И вот теперь он снова на дороге бежит.

За Кузей бежит папа и кричит прохожим:

— Собаку держите!

А прохожие смеются.

Но вот идёт навстречу какой-то студент с книжками под мышкой.

Папа ему кричит:

— Молодой человек! Помогите! Задержите Кузю!

Студент бросил на снег книжки и встал у Кузи на пути, Кузя метнулся на сугроб, студент за ним. Кузя увернулся. И всё-таки студент, как вратарь за мячом, бросился на Кузю. И... ухватил поводок.

— Спасибо вам, товарищ! — запыхавшись, сказал папа.

— Не за что! — ответил студент, отряхнул снег, собрал книжки и ушёл.

Кузю схватили у самого края тротуара. А по дороге мчались троллейбусы, автобусы, самосвалы... Страшно даже подумать, что могло случиться!..

Но вот Кузю забрали домой, и Тяпе стало скучно. Никто не обидит, не оттолкнёт от чашки, никто не запоёт. Подружились всё-таки за месяц. Да и Кузя, говорят, при слове «Тяпа» бежит к дверям и зовёт хозяйку:

— Пойдём, проведем дальнего родственника! Другка моего!

АМУР

Тяпа не любит ездить в машинах. Пахнет бензином. За стёклами мелькали дома, деревья, прохожие. У Тяпы кружилась голова. В первые минуты он пытался поймать и укусить залетающий в машину встречный ветер, затем зарывался головой под полу пальто хозяина или хозяйки. И жалобно скулил.

Тяпа удивлялся, как охотно запрыгивает в машину другая болонка — Бантик, хозяйева которой часто заезжали за папой и мамой на своём красном «Москвиче».

Тяпе же в машине после нескольких минут пути становилось совсем плохо. Он всегда упирался, когда его вели к машине. Упирался он и на этот раз. Тогда папа взял Тяпу на руки и посадил на колени. И пока

ехали, рассказывал Машеньке и Тяпе про Амура. Собаку так звали. В честь реки Амур. Есть такая на Дальнем Востоке.

Папа много ездил по стране. Сейчас он вернулся из Заполярья.

Там, где был папа, Север напоминал сплошное болото. Летишь часами, а под крылом самолёта — непроходимая трясина да озёра. И в этих бесконечных болотах геологи нашли богатые месторождения газа и нефти. А на редких островках твёрдой земли выросли посёлки. Попасть в них летом можно только на самолётах или вертолётах. Больше всего папу удивило, что в каждом посёлке было много собак. Они бегали стайками по улицам. Играли с ребятами. У собак не было намордников. Они никогда не кусались. Люди их любили и кормили. В Заполярье папа и познакомился с Амуром.

Папа шёл по посёлку с начальником нефтеразведочной экспедиции Александром Петровичем, который давно работал на Севере. Высокий, широкоплечий, он был похож на молодца, который в русских сказках побеждал Змея Горыныча. А рядом с ним — нога в ногу — шагала собака. Сильная, крепкогрудая. Умно так смотрит.

Начальник остановится — собака останавливается. Он зашагает — собака побежит за ним.

— Амур! Не мешай! — отстраняется ласково Александр Петрович.

— Ваш пёс! — спросил папа.

— Да как сказать. Бегал Амур по посёлку. Я его три раза покормил. Теперь не отстаёт от меня.

Сели они в автобус. И Амур заскочил туда же.

Приехали в аэропорт, поднялись по железной лестнице в вертолёт. С громом закрутились стальные винты. Но Амур не испугался. Осторожно цепляясь лапами за лестничные перекладины, он поднялся вслед за хозяином.

Вертолёт задрожал, задрожал и оторвался от земли. Полетели за сто километров, на буровую. В круглые окошечки была видна болотистая тундра. Она казалась ржавой от ягеля. Ягель — это северный мох. Его едят олени.

Папа почувствовал себя плохо. В этот день он пролетел несколько тысяч километров на скоростном реактивном самолёте «Як-40», потом на старом двухмоторном «Ли-2», а теперь летел на вертолёте.

Амур понял это, подошёл к папе, лизнул его горячим языком в руку и положил большую голову на колени: «Держись! Скоро прилетим!»

Как опытный вертолётчик, он ходил от пассажира к пассажиру и за-

глядывал в лица: «Если вам скучно, можете поиграть со мной, погладить меня! Вам нравится лететь! Мне нравится!»

Когда прилетели на буровую, Амур выскочил первым. Его встретили три белощёрстные северные лайки. Они жили на буровой, отгоняли всякое зверьё, которое водилось в этих диких необжитых местах.

Амур и лайки носились по тундре, по берегу полярной реки, весело повизгивая.

А папа и Александр Петрович стояли у реки, махали руками. Это они разгоняли мошкарку. Мошкара тучами летала над ними. Они разговаривали и вдруг увидели: Амур прыгнул и провалился в болото. Вылез грязный, мокрый, подбежал к хозяину и вытерся о его брюки. Начальник экспедиции не рассердился, но мгновенно поднял Амура и швырнул его в ледяную речку. Амур даже не взвизгнул. Плхнулся в воду. Шумно поплавал. Смыл с себя грязь. Вылез на песчаный берег. Отряхнулся и побежал снова играть с белыми лайками.

Но вот снова загудел вертолёт.

— Где Амур! — забеспокоился папа.— Мы же улетаем.

И в это время примчался Амур. Вертолёт оторвался от земли. И Амур улёгся у ног хозяина.

— Вот видишь,— говорил папа в машине,— собаки даже летают, а ты, Тяпа...

Тяпа грустно вздохнул. Он тоже умеет терпеть неудобства. Но кататься не любит. Куда приятней побегать по твёрдой земле.

ЗАБЫЛИ

За окном быстро темнело.

Мама пришла с работы и сразу же сердито загремела кастрюлями на кухне. Конечно, она устала. Папа бросил на стул портфель и поспешил в хлебный магазин.

Машенька готовила уроки.

Наконец мама позвала:

— Ребята, ужинать!

Вместе со всеми на кухню прибежал Тяпа.

Мама разложила по тарелкам горячие сосиски с варёной картошкой. Все сели за стол.

— Ой, как я проголодалась! — воскликнула Машенька и откусила сосиску.— Вкусно!

Прошло минут пять, и вдруг раздался стук.

Все оглянулись. Тяла толкал мордочкой свою пластмассовую розовую чашку, в которой не было ни капли воды. Вот он выкатил её на середину кухни. Туда же лапкой лододвинул пустое блюдце. Улёгся между чашкой и блюдцем и укоризненно поднял мордочку: «А где же мои сосиски! Где же мой чай!»

— Мы же о Тяпе позабыли! — огорчилась мама.

— Ой, я его и обедом не накормила,— спохватилась Машенька.

— А если бы Тяла не умел о себе напоминать, совсем бы о нём забыли! — расстроился папа.— Слишком привыкли к нему.

Все разом подумали, что о Тяпе порой действительно стали забывать.

Машенька вспомнила, как вечерами спорила с мамой и папой: кому сегодня выводить гулять собаку.

Машеньке всё больше задавали уроков. И она просиживала над тетрадками всё дольше и дольше.

И Тяпу должен был выводить папа.

Так было и вчера.

— Гулять! — сказал он хмуро, с досадой оглядываясь на телевизор: там как раз показывали хоккей.

На улице Тяпа подбежал к чёрному толстому щенку. А тот с громким радостным лаем бросился навстречу Тяпе. Его еле удерживала на поводке сухонькая старушка.

Папа приветливо поклонился ей:

— Добрый вечер, Анна Васильевна! Опять мы с вами встретились. А где же ваша внучка? Вы же внучке взяли Дружка!

Старушка махнула рукой:

— Некогда ей. Телевизор смотрит.

— Неужели девочка любит хоккей! — удивлялся папа.

— Нет. По второй программе мультфильмы показывают.

А из-за кустов уже выглядывала милая квадратная морда эрделя. Затем появился, хромая, хозяин — инженер, живущий в соседнем доме. Он мрачно заговорил:

— И моему Вовке, видите ли, некогда! Просил-просил нас купить собаку. Купили. А он и внимания на неё не обращает!

— Куда же мы завтра пойдём с собаками! — спрашивала старушка.— Вон злодей-пенсционер с пятого этажа ругается каждый раз: «Все газоны собаки ваши вытоптали!»

— Вечером можно сходить с собаками на пустырь к школьному стадиону,— мрачно предлагал инженер.

— Можно,— соглашался папа.

К ним подошла женщина с чёрно-серебристой болонкой.

— Здравствуйте! — радостно сказала она.— Вот и мы с Цезарем вышли погулять.

А Машенька выскочила на балкон, услыхав весёлый лай Дружка, да так и осталась стоять. Она весь разговор слышала.

И Машенька знала дочку этой женщины — девчонку с короткими косичками из четвёртого класса. Она очень завидовала Машеньке, что у неё есть Тяпа, и выпросила у своей мамы Цезаря.

«Правда, купили собак детям, а с собаками гуляют одни взрослые!» — подумала Машенька.

По листьям деревьев забарабанил дождь.

— До завтра! — крикнула, с трудом поспевая за Дружком, Анна Васильевна.

— До завтра! — ответил ей инженер.

До свидания! — крикнул папа.

...Машенька вспомнила всё это сейчас, глядя на пустое блюдце и высохшую чашку Тяпы.

Она вскочила.

— Я накормлю Тяпу! И знаете, я уже сделала сегодня уроки. Сегодня с Тяпой пойду я... И завтра тоже,— добавила она.— Тяпа, Тяпочка, иди ко мне!

ТЯПИН ХВОСТ

Хвост у Тяпы был пушистый, белый, нарядный.

Но однажды мама расчёсывала гребешком Тяпин хвост и встревоженно сказала:

— Посмотрите, у Тяпы на хвосте какая-то опухоль!

Тяпин хвост украшала красная шишка.

Через месяц шишка разрослась. Тяпа заметно погрузтел. Стал молчаливым. Лежал на полу не шевелясь, не поворачивая головы на оклики.

Мама пошла к соседке — хирургу.

Соседка осмотрела Тяпу:

— Наверное, в дверях прищемили! Надо всё-таки показать ветеринару.

Папа, мама и Машенька стали вспоминать, когда же случилась с Тяпой беда!

И папа вспомнил. Он выводил Тяпу гулять, задумался, придерживая дверь ногой. Когда дверь захлопнулась, Тяпа взвизгнул. Громко! Испуганно! Словно его ударили.

— Неужели это я виноват! — расстроился папа.

Утром мама повезла Тяпу в больницу.

Когда папа и Машенька вечером пришли домой, глаза у мамы были красными, заплаканными.

— Что случилось! — встревожился папа.

— Ты плакала! — удивилась Машенька.

— Тяпе... Операцию сделали. Хвост отрезали. Сказали, что может опухоль разрастись. Под наркозом операцию...— Мама заплакала.

Тяпа с забинтованным совсем коротким хвостом, качаясь, подошёл к папе и жалобно ткнул в его ногу. Обрубок хвоста пошевелился, как, бывало, шевелился пушистый хвост.

Потом мама рассказывала, как она в больнице заткнула уши, чтобы не слышать Тяпиного визга. А в звериную больницу в этот день при-

несли курицу с вывихнутой ножкой. Потом — пса с перерезанным горлом. Псу делали операцию, а хозяйка плакала: «Он же меня спас, когда пьяный с ножом бросился на меня!»

Тяпа всю ночь метался по комнате, зубами пытался сорвать повязку. Ни папа, ни мама тоже не могли спать. Тяпа подходил, заглядывал им в лица. Пока его гладили, молчал, затем начинал тихонько скулить.

— Неужели умрёт! — спрашивал папа.

— Нет, нет! Не может быть! — пугалась мама.— Тяпа, Тяпочка!

Тяпа подполз к её руке и пытался лизнуть. Лишь на рассвете Тяпа заснул. Он дышал тяжело, как больной человек.

Машенька ходила с красными глазами.

Мама сказала:

— Если что-нибудь случится с Тяпой, никогда не возьму собаку. Раз собаку взяли, надо ей уделять больше времени и следить за ней.

Чтобы не сорвал Тяпа повязку, мама и Машенька все время держали его на руках.

Три дня Тяпа почти ничего не ел. На улицу его выносили. Он делал несколько шагов к кустикам и сразу же ложился на мокрую осеннюю землю.

Только на десятый день сняли швы с хвостика Тяпы.

Он снова теперь весело вертит коротким хвостиком. Мама ласково называет Тяпу — Зайчишка!

Порой Тяпа по старой памяти хочет при слове «гулять» поймать свой пушистый хвост и удивлённо замирает: хвоста нет.

Пала при этом тяжело вздыхает.

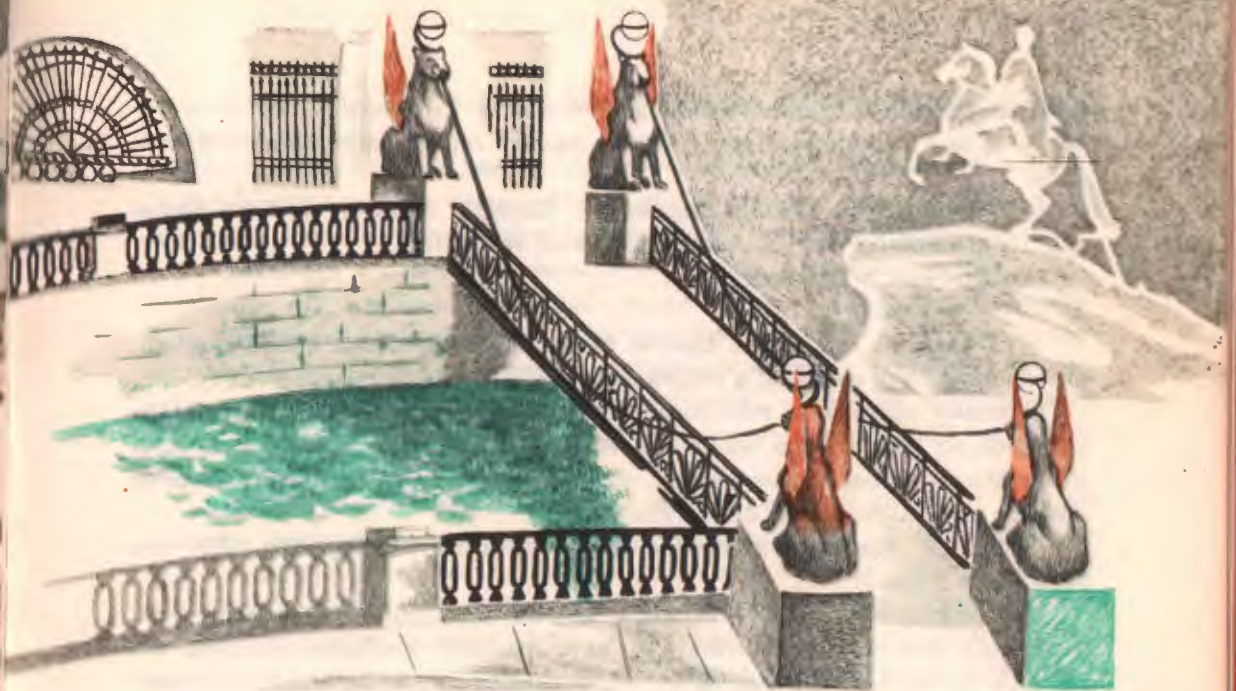
Но Тяпа знает — в его доме живут самые лучшие, самые преданные друзья. Они всегда поймут, выручат, придут на помощь. Они любят Тяпу. И Тяпа их любит.

Вот он услышал шаги за дверью. Это поднимаются по лестнице папа, мама и Машенька. Он ждёт, когда они откроют дверь:

— Гав! Гав! Я соскучился!

— И мы соскучились, Тяпа!

РАССКАЗЫ ПОЛЯРНИКА

МАКСИМ УХОДИТ

Максиму повезло! Мама поехала в Ленинград в командировку и взяла его с собой. Просто не с кем было оставить. Папа работал в тайге, бабушка гостила у дальних родственников в Башкирии. А маме надо было обязательно ехать в Ленинград. Мама Максима — инженер, она работает на большом заводе.

Прилетели они в Ленинград, устроились у маминых знакомых. Почти в центре города. Побродили по улицам. Нашли Медного всадника.

— Мама, а почему медный! — спросил Максим. — Он же чёрный, наверное, из чугуна.

— Нет, он из бронзы. И раньше был жёлтым, вот люди его и прозвали Медным. А со временем он потемнел... — объяснила мама.

— А-а!.. — ответил Максим и задумался.

Потом Максим с мамой полдня простояли в очереди в Эрмитаж. Максим никогда не видел такого музея. Остаток дня они бродили

по бесчисленным залам. Ноги подгибались. Хотелось лечь от усталости прямо на пол. Но как уйти от чудес! Мама восхищённо восклицала:

— Леонардо да Винчи! Подлинник. Смотри, Максим, это же Рафаэль! Подлинник! А вот Тициан. Подлинник! И Рубенс!

Максим уже опережал маму:

— Подлинник!

— А чего ты смеёшься, сынок! Вырастешь, поймёшь, какое счастье, что ты видел эти картины в подлинниках.

Максиму нравились некоторые картины, но его больше восхищали колонны из уральского малахита. И вазы. Они сделаны из кусочков. Но зелёные волны малахита так подобраны, что кажется, вся колонна или вся ваза вытесана из одной глыбы.

Поразили Максима и высоченные сапоги Петра Первого. Вот это ноги были у царя!

На следующий день Максим с мамой съездили в Петродворец. Фонтанов там — не сосчитать! И есть совсем необыкновенные: сядишь на скамейку в парке, а это оказывается не простая скамейка, а фонтан! И со всех сторон прямо на тебя вода брызжет. Бежишь в сторону, к деревцу с железными листиками. И вдруг из ветвей тоже начинают брызгать фонтанчики. Все смеются, разбегаются. Говорят, специально царям для развлечения их понастроили.

— Что они, маленькие были! — удивлялся Максим. Но фонтанами остался доволен.

Побывали у Смольного.

— Вот смотри, сынок, — сказала мама, — отсюда в семнадцатом году Владимир Ильич руководил восстанием.

Сходили они с мамой ещё в несколько музеев.

Как-то мама попросила:

— Поиграй во дворе. Мне некогда. Меня ждут в институте... Только никуда не бегай!

Максим вышел на улицу, огляделся.

Двор как двор. Скамеечки, песочницы, малышня... Бабушки оживлённо переговариваются и кричат своим внукам и внучкам:

— Витя, не смей!

— Лена, не ходи туда!

А с кем играть Максиму! Не с кем. Все сверстники Максима в пионерских лагерях. Одному играть скучно. К тому же Максим мечтал

быть полярником, об этом знала вся школа. И если играл, то лишь в полярников.

Где на этом тесном дворе устроить одинокую дрейфующую льдину!

Представишь себя начальником дрейфующей станции «Северный полюс», а какая-нибудь девчонка подбежит, косичками затрясёт:

— Мальчик, ты нам мешаешь. У нас здесь кукольный домик.

Какой тут кукольный домик, когда здесь льдина необитаемая! А прогонишь — рёву не оберёшься. Бабушки прибегут. Они же не знают, что вокруг Ледовитый океан, и шлёпают по нему в туфлях, как посуху... Из этого двора Арктика не получится... Арктика! Максим хлопнул себя по голове. Не больно. Как это делает всегда папа, когда что-то забудет и вдруг вспомнит:

«В Ленинграде же Арктический и Антарктический институт! Сам же ребятам показывал журнал «Уральский следопыт». В нём написано, что в этом институте все полярники работают! Спросят ребята осенью: «Где был!». Ответишь: «В Ленинграде». Наверняка Ленка-задавака прищурится хитро: «Полярников-то своих видел!» А что ей ответить! Не успел! Сегодня же мы улетаем домой! Мама билеты уже купила. Даже если она вернётся пораньше, ни за что не согласится съездить с Максимом к Институту Антарктики. «В дорогу, — скажет, — надо собираться. О чём ты раньше думал!» А думать было некогда, сама же меня по музеям водила. Обо всём позабудешь! А если сам, один! Часа через два вернись. Мама и не заметит».

Максим побежал на автобусную остановку. Спросил вежливо у пожилой женщины в форме железнодорожницы:

— Как проехать к Арктическому институту!

— Я приезжая, — ответила женщина.

Смешной старичок с бородкой клинышком и с зонтиком в руке, на который он опирался, как на трость, обернулся к ним:

— В Арктический институт! Знаете, молодой человек... Вам подойдёт вот этот городской транспорт.— И старичок зонтиком показал на приближающийся автобус.— Через семь остановок ваш институт.

— Спасибо! — Максим сунул руку в карман и похолодел: мелочи не было... Он же потратил деньги на мороженое. В Ленинграде такое вкусное мороженое! И не хочешь, да съешь.

— А пешком... как пройти! — бросился к старичку Максим.

Старичок оглядел мальчика с ног до головы. Пожевал губами, потом указал зонтиком:

— Идите, молодой человек, всё время вдоль канала. Но это очень далеко.

— Спасибо! Дойду! — И Максим отправился.

ГДЕ РАБОТАЮТ ПОЛЯРНИКИ

Максим шёл долго. Вначале он смотрел на тихую воду канала. Она казалась совсем чёрной. Потом Максиму надоело смотреть на воду. Он зашагал, как солдат, широко размахивая руками, и запел песню. Её часто передавали по радио, её любила петь мама, когда папа уезжал в долгие свои командировки:

Не плачь, девчонка,
Пройдут дожди!
Солдат вернётся,
Ты только жди!

Какая-то молодая женщина оглянулась на него:

— Ай да солдатик!

Ему вдруг стало скучно-скучно. И тучи показались низкими-низкими. И ленинградские улицы серыми-серыми. И вода в канале чёрной-пречёрной. Он вспомнил маму, как она просила никуда не уходить со двора.

Тут он увидел мост. На мосту — чугунных коней. А может, они тоже бронзовые! Казалось, кони вот-вот сорвутся с места и понесутся по улицам. Максим зажмурился и представил, как кони мчатся на него. Он открыл глаза и увидел, что, напрягая металлические мускулы, металлических коней сдерживает красивый металлический юноша. Или чугунный, или бронзовый. Ну, в общем — чёрный как негр. Максим представил, как бы он сдерживал коней: «Трудно!»

Высокому седому мужчине в клетчатом костюме, наверное, послышалось, что Максим спрашивает, как называется мост. Мужчина остановился и сказал:

— Да, да, это Аничков мост.

Максим подумал, что мужчина глуховат. А глаза у мужчины были такими добрыми, что Максим решил спросить незнакомого человека о самом главном. Он спросил как можно громче и по складам:

— Ска-жи-те, где в Ленин-граде работают по-ляр-ни-ки! Где Ар-кти-ческий ин-сти-тут! Вы не зна-ете!

— Знаю! — рассмеялся мужчина и ответил тоже по складам:

— А ты че-го кри-чишь! Или ты глу-хой! По-ляр-ни-ки ра-бо-та-ют через два дома на-пра-во! Вон их инсти-тут.— Мужчина ещё раз за-смеялся и быстро ушёл.

Максим покраснел: «Нормального человека принял за глухого!»

Максим крикнул вслед:

— Спа-си-бо!

И спохватился, что опять выговаривает слово по слогам.

Максим потоптался на месте. Когда схлынул поток автомашин, перебежал дорогу. За острыми пиками чугунной ограды увидел старинные каменные здания.

На вывеске у главного входа прочитал: «Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт».

Вот это да! Значит, здесь и работают полярники. Как бы на них посмотреть поближе! Их, наверное, можно узнать по обветренным мужественным лицам.

Ленка-задавака говорила в классе, что они — особые люди. И Максиму никогда не бывать полярником. Он, мол, обычный, да ещё коротышка. И лицо у него слишком круглое, несерьёзное какое-то!

Максим внимательно разглядывал каждого, кто входил во двор. Это были с виду самые обыкновенные люди. Их было много.

Видимо, кончился перерыв. Люди шли в институт, разговаривали, смеялись.

«Кто же из них полярник! — думал Максим.— Этот молодой! Но он слишком модный! Нет, полярник не будет так одеваться! А может, полярница — вот эта девушка, которая идёт с подружкой! Но у неё ямочки на щеках. Несерьёзные! Нет, вся она несерьёзная для полярницы!

А может, этот высокий человек! Но какой-то он сутулый. Засунул руки в карманы пальто. И ступает слишком мягко, медленно. Ведь на льдинах ветер, вьюга, с ног валит. Там человек должен быть твёрдым и решительным. А он, Максим, решительный!» И Максим шагнул к высокому:

— Скажите, пожалуйста, вы не полярник!

— Полярник! — ответил прохожий.

Максим на минуту застыл, как тот парень на мосту, который сдерживал металлических коней.

— А эти! — спохватился Максим и указал на входящих в институт.

— И эти полярники! — подтвердил мужчина.

— А герои среди них есть!

— Да почти все герои! Выбирай любого — не ошибёшься!

Мужчина, заметив недоверие на лице мальчика, разъяснил:

— Видишь ли, Арктика и Антарктида принимают только смелых, сильных! Не думай, что герои — особые люди. Они — обыкновенные. Просто они любят свою работу больше всего на свете. Это и делает их героями.

Высокий ушёл.

Институт героев был рядом. Максим навалился на двери. И ткнулся в живот какого-то полного мужчины.

— Ты куда! — спросил мужчина с длинными седыми усами, как у маршала Будённого.

Максим подумал: «Нет, такой старый не может быть полярником! Да и стоит он у дверей. Конечно, это вахтёр! Но как ответить, куда я иду!»

— К главному полярнику! — выпалил Максим.

— А он тебя приглашал! — спросил вахтёр.

Максим мучительно решал, что же сказать! Если сказать правду, то в институт не пустят! Максим всё же решил не врать.

— Мд-да! — промычал он.

А получилось вроде: «Да!»

— То-то я смотрю, курносый ты и светловолосый! Похож на Михаила Михайловича! Да ты не родственник его! — заговорил вахтёр.

Максим только брови вскинул и головой пошевелил.

А получилось: «Да, я родственник».

Вахтёр пристально смотрел на Максима.

— Так он кто тебе, наш Михаил Михайлович!

Максим замялся.

— А, может, ты ему внук!

Максим радовался, что его приняли за родственника знаменитого полярника. И моргал быстро-быстро...

Тут вахтёр взял его за плечо, повернул к двери и сказал:

— Никакой ты не родственник, нет у Михаила Михайловича внуков. Иди-ка отсюда подобру-поздорову, а не то...

Максим ждал толчка: сейчас он вылетит из дверей. Позор!

Но кто-то спросил:

— Архип Васильевич, что это за мальчик!

Голос Максиму показался почему-то знакомым.

— Да вот за родственничка вашего, Михаил Михайлович, себя выдаёт...

Максим обернулся. И узнал высокого мужчину в сером костюме, которого он принял за глухого.

Максим рванулся к нему.

— Здравствуйте, товарищ полярник!

— Здравствуй, родственничек! Это что ещё за шутки такие! — Полярник подошёл ближе:

— Ты где живёшь!

— В Свердловске.

— Мечтаешь, конечно, быть полярником!

— Да,— кивнул Максим.

— И удрал из дома! В Арктику решил пробираться! Только правду говори. Полярники не врут.

— Не удирал я,— обиделся Максим.

— Тогда как же ты в Ленинград из Свердловска попал! И наш институт нашёл!

— Приехал... с мамой... А к вам... посмотреть только. В школе говорят, что я не смогу стать полярником. Морозонеустойчивый, говорят.

— Морозонеустойчивый! — заинтересовался Михаил Михайлович.— Это как же понимать!

— Да я закалялся. На спор на мороз без пальто вышел. На два часа.

— И продержался!

— Продержался... Да воспалением лёгких заболел. Ленка-задавака и назвала меня «морозонеустойчивым». Ну и попало мне от папы.

— Правильно попало. Попробовали бы полярники на льдине раздетыми ходить, я бы их тоже отругал... А где вы в Ленинграде с мамой остановились! В какой гостинице!

— Мы у маминой знакомой живём.

— На какой улице!

Улицу Максим не помнил. Хорошо помнил номер дома, квартиры. Почему же он не обратил внимания на табличку с названием! А-а... Он же спал, когда подъехали на такси. А потом обычно они шли на автобусную остановку с мамой и минут через пятнадцать автобус их привозил на Невский проспект.

— Как ты обратно поедешь! — Михаил Михайлович задумчиво посмотрел за окно. За окном шумел Ленинград.

— Я вдоль канала шёл. Прекрасно помню путь.

— Сколько же ты шёл!

— Часа два.

Максиму хотелось говорить полярнику только точно, чётко, но часов у него не было.

— А ты с утра что-нибудь ел! — спросил Михаил Михайлович.

— Нет, но я не голоден.

— Как это не голоден! Время обеда. Полярники должны обедать по расписанию. У полярника нет здоровья — на Север ему не попасть. Сейчас я тебя накормлю. Подожди меня. — И Михаил Михайлович зашёл в одну из дверей.

Вахтёр восхищённо посмотрел вслед:

— Человек с большой буквы, Михаил Михайлович, обо всех заботится. И простой... Герой Советского Союза, доктор географических наук, директором нашего института был, начальником станции «Северный полюс» и Первой Антарктической экспедиции. Сама королева Британская ему орден вручала! — Вахтёр замолчал. Он увидел возвращающегося Михаила Михайловича.

— Архип Васильевич, я ещё в отпуске. Если спросят, завтра выхожу на работу. — Михаил Михайлович пожал руку вахтёру: — До свиданья! — И положил ладонь на плечо Максима.

— Ну, полярник, пойдём обедать!

Максим не верил своему счастью. На его плече рука полярника, Героя Советского Союза! Ребята от зависти все перемерут! И Ленка-задавака онемееет наконец-то.

БЫЛА ТАКАЯ АРТЕЛЬ «СМОЛОКУР»

Обратный путь оказался долгим. Но Максиму хотелось, чтобы улица вдоль канала была бесконечной. Он шёл рядом с полярником. И мог с ним разговаривать наяву, а не во сне. Неужели и Михаил Михайлович когда-то был мальчишкой, шагал с каким-нибудь взрослым и завидовал ему, как сейчас завидует Максим! Максим торопился побольше узнать о Михаиле Михайловиче и спрашивал, спрашивал, спрашивал...

— Как вы стали полярником!

— Это долгая история. Посмотри, Максим, на эту доску объявлений. Видишь, сколько раз написано слово «требуется». Требуется слесари, токари, водители... Требуется кассиры, продавцы, уборщицы... Требуется инженеры. Мы бы до вечера могли читать — требуется... Стране нужны рабочие руки. Таких объявлений очень много. Расти быстрей. Стране нужны молодые люди, чтобы строить новые города, заводы...

— И новые полярники требуются! — не утерпел Максим.

— И новые полярники. Страна всё больше обживает Север. Полярникам ещё многое надо узнать... — Михаил Михайлович помолчал. — А когда я закончил школу, таких «требуется» почти не было. Кончилась гражданская война. Разруха, голод. Заводы ещё не восстановлены. Рабочих много, а работать негде. Перебивались случайными заработками. Узнал я, что кассиры в Институте красной профессуры требуются — сел за кассу.

Максим на миг увидел окошечко с надписью «Касса». В окошечке лицо Михаила Михайловича. И засмеялся.

— Это теперь смешно. А тогда... — Михаил Михайлович взглянул на часы. — Я был рад и такой работе. Товарищи сказали мне, что учеников в артель «Смолокур» набирают, я перешёл в эту артель.

— «Смолокур»? Вы что там, смолу курили! — удивился Максим.

— В этом «Смолокуре» заряды для огнетушителей делали. А потом отца на Дальний Восток перевели, в Тихоокеанский институт рыбного хозяйства. Решил ехать с ним. Где-где, а на Дальнем Востоке людей не хватало. И знаешь, кем я стал! Токарем.

— Так вы всё умеете! — Максим посмотрел на руки Михаила Михайловича. — А я думал, вы сразу — в полярники...

— Не сразу. Около моего завода шумело море. Я стоял на берегу каждый день. Смотрел на уходящие корабли. И не выдержал. Нанялся на тральщик.

Максим слушал Михаила Михайловича, но ему казалось, что это он, Максим, взбегает по трапу. А тральщик маленький, неуклюжий, обшарпанный... Бывалые матросы смотрят на Максима и переговариваются:

— Укачает мальчика море.

— Бледный он. Укачает, факт.

— И всё-таки взяли, — слышит Максим голос Михаила Михайловича.

...Волны бросают тральщик то вверх, то вниз. Палуба уходит из-под ног. Ноги не держат. Голова тяжёлая: всё, укачало море! Но на седьмой день научился сжимать зубы и переносить качку. И тогда вразвалку

подошёл загорелый бородатый человек. Чёрная повязка закрывала его левый глаз. Ну, настоящий пират. И нож на боку. Правда, охотничий.

— Хочешь плавать лаборантом-гидрологом? — спросил он.

— Хочу!

«Но кто это — гидролог!» — спохватился Максим. И тральщик тотчас исчез. И Максим снова оказался на берегу канала.

— Гидролог кто! — Михаил Михайлович помолчал. — Ну, как тебе объяснить. Ты такое слово «гидро» знаешь!

— Гидро... Гидра!.. Знаю, — обрадовался Максим. Ему вспомнилась подпись под рисунком в исторической книжке «Гидра контрреволюции». На рисунке была изображена змея. У неё — десяток голов. Они метали в красноармейца в будёновском шлеме пламя. Дым клубился вокруг. Красноармеец шашкой рубил змее головы. Но у гидры вырастали новые.

— Да нет, — улыбнулся Михаил Михайлович. — Это не «гидра», а «гидро» — от греческого слова «вода». С него начинаются все сложные слова, которые имеют отношение к воде. Например, гидросамолет. Он садится на озёра и реки и взлетает с них. Ему никаких аэродромов не надо. А гидрология — это наука о водных просторах, о движении вод. Она изучает всякие течения, приливы, отливы, лёдообразования, состав воды. Очень это помогает судоходству. Правда, гидрология занимается не только морями да океанами. Есть ещё гидрология суши. Ну, реки, озёра исследуют. И гидрогеология. Её подземные воды интересуют.

— Ясно, — сказал солидно Максим. — Но греческое слово «гидро» у него всё равно превращалось в «гидру». И он снова видит рисунок из книги. Вот второй красноармеец кричит: «Задушим гидру контрреволюции!» — и всаживает многоголовой змее в грудь трёхгранный штык. «Фу ты!» — помотал головой Максим, чтобы избавиться от этой безобразной гидры и снова увидеть гидро... то есть воду, бескрайнюю, синюю. Как в Финском заливе, по которому они с мамой на днях плыли на прогулочном катере в Петродворец.

— Всё лето я качался на волнах Охотского и Японского морей, — продолжал Михаил Михайлович, — и так увлёкся гидрологией, что осенью решил уехать в Московский гидрологический институт.

А Максиму снова показалось, что это он, Максим, бежит с чайником в одной руке и фанерным чемоданом в другой на вокзал. Паровоз протяжно гудит. Перрон уплывает: «Прощай, Дальний Восток! Нет, не прощай, а до свидания! Я ещё вернусь к тебе! Учёным!»

Но поезд еле тащится. Часами стоит на разъездах, полустанках. А в институте уже начались занятия! Вот не везёт так не везёт!

Максиму кажется, что он перескакивает через ступеньки, врывается мимо ошеломлённой девушки-секретарши в кабинет декана. А декан, морщинистый старик в очках, просматривает документы, которые ему сейчас бросили на стол. И неожиданно предлагает:

— Сдавайте-ка основные предметы за первый курс. Попробуйте сразу на второй курс поступить.

— Как это! — удивляется Максим.

— А вот так!

— И вы поступили! — спрашивает Максим.

— Не только поступил. К концу года махнул ещё через курс. Попал после выпуска в Центральный институт прогнозов, а оттуда в наш — Арктический. И мне повезло — взял меня в свою экспедицию сам Папанин.

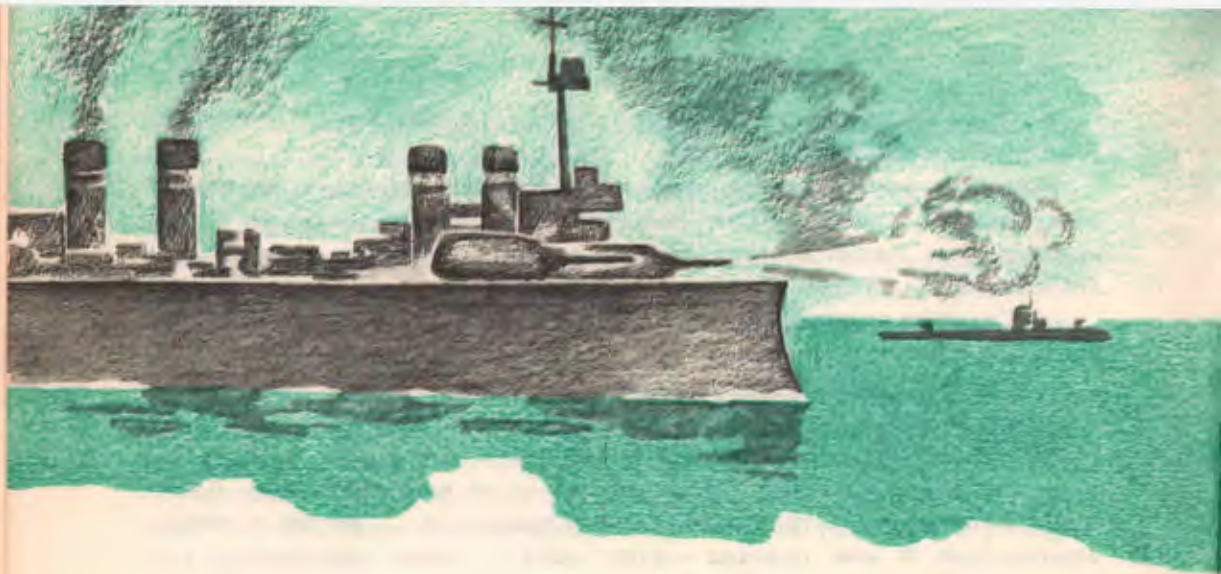
Налетался я на открытых самолётах в Арктике, разведывал ледовую обстановку. А во время войны попал во флот. Всю войну проводил по Северу корабли через ледовые поля. Потом на Диксон попал. Говорили, тихое место. Там действительно было тихо, пока не явился к нам непрошенный гость — фашистский линкор «Адмирал Шеер».

ВСЕ ПО МЕСТАМ!

— Это сейчас линкоры устарели, их любая подлодка и любой самолёт-ракетоносец потопит. Поэтому линкоры почти во всех странах сдали на слом. А во время войны — это были грозные корабли. Башенные орудия, противоминная и зенитная артиллерия. Откроют огонь — летят в воздух береговые объекты, тонут корабли всех классов. А вес брони у линкоров — почти половина веса корабля. Представляешь! — Лицо у Михаила Михайловича стало хмурым. — «Адмирал Шеер» был «карманным линкором», то есть небольшим, но вооружённым по последнему слову. Пиратствовал безнаказанно. За караванами почти беззащитных судов охотился...

И Максиму опять казалось, что это он слышит встревоженный голос радиста:

— Ледокол «Сибиряков» сообщил.. Появился «Адмирал Шеер». Немецкий линкор расстреливает советское судно в упор!

Полярники сжимают кулаки. Но как помочь! До ледокола триста километров. Он прокладывает во льдах путь каравану с военным грузом. Караван предупреждён. Немцы не сумеют захватить шифры и карты с ледовой обстановкой. Но «Сибиряков», наверное, горит во льдах.

...Полярники среди ночи хватаются за винтовки. Тревога! Появился двухтрубный корабль! Звучит приказ:

— В случае десанта уничтожить документы! Немцы не должны получить ледовую информацию!

...Нет, Максим, конечно, не в штабе, а на том наблюдательном пункте, откуда сообщили о фашистском линкоре! Их всего двое на северной оконечности острова. «Шеер» огибает остров. Он выбирает место для высадки десанта. Медлить нельзя. Максим и его товарищ сжимают оружие и бегут по берегу. Только бы не выпустить линкор из виду! Сердца стучат так, что их, наверное, слышно на линкоре. Вдоль берега горный кряж. Максим всё время спотыкается о камни, падает.

У него разорвана меховая куртка. По лицу текут струйки крови. Но он смахивает их рукой и бежит дальше. Наконец они подбегают к штабу. Начштаба улыбается.

— Чего вы улыбаетесь! — кричит товарищ Максима.

— И с этим вы против линкора! — начальник показывает на их оружие. И Максим только сейчас замечает, что в его руках старенькая трёхлинейка с несколькими патронами, а у товарищей ручной пулемёт с огромным диском. Пулемёт этот давно числится как учебный.

МЕДВЕЖОНОК

Ухнули орудия линкора. Снаряды просвистели над головой... И Максим сжался от свиста снарядов. Все бросились в укрытия — за каменные глыбы. Разрывы, разрывы, «Шеер» меняет позиции. И все переползают по-пластунски среди камней. Кто-то сопит и тяжело дышит в ухо Максиму. Максим пытается отодвинуться. Но человек прижимается к Максиму, дрожит. «Разве может полярник так пугаться!» — гневно думает Максим. Поднимает голову и ахает. Рядом с ним лежит медвежонок. Подражая людям, он прячется за камнями. Голова прижата к земле. Но только голова. Максим хочет вскочить, но полярники кричат ему:

— Не бойся! Это ручной медведь! Видишь, с перепугу он с цепи сорвался. От обстрела спасается!..

Максим похлопал мишку по спине. И расхохотался. Расхохотались и другие полярники.

— Фашисты, наверное, думали, что русские с ума сошли от страха. Вот ведь какая вышла история. Да ты слушаешь меня! — тронул Михаил Михайлович Максима за плечо.

И полярный остров опять исчез, и Максим снова превратился в обычного мальчика на берегу канала.

— Конечно, конечно! — заторопился он. — Рассказывайте дальше, что было потом! Фашистов отогнали!

— Отогнали. Навстречу немецкому линкору вышел небольшой сторожевой корабль.

БЫЛА ВОЙНА

...И снова Максим с Михаилом Михайловичем не в мирном Ленинграде, а там, на северном острове, где грохочут снаряды. И Максим сжимает старую винтовку с трёхгранным штыком. Из-за валунов он наблюдает, как обыкновенный мирный ледокольный пароход смело выходит в море. Смело, потому что на его борту стоят теперь несколько малокалиберных артиллерийских орудий. И он называется сторожевым.

Фашисты ударили по ледоколу. В порту наши выкатили на мол сухопутные орудия и вместе с ледоколом открыли огонь по «Адмиралу Шее-

ру». Несколько снарядов попало в фашистский корабль. Но повреждения, видимо, незначительные. И «Адмирал Шеер» снова стреляет, и фашистские снаряды врезаются в наш ледокол. Но тот, как заколдованный, покачивается на волнах. Попадание! Ещё попадание! Ледокол продолжает отстреливаться. «Адмирал Шеер» не выдержал, выпустил дымовую завесу и стал отходить.

— Ага! — ликует Максим. — Струсил!

Поставил дымовую завесу и советский ледокол. Фашисты уже не видят, а полярники-то видят, как советский пароход выбрасывается на берег. Полярники бегут к нему. Моряки несут убитых товарищей.

Полярники скорбно снимают шапки. Одиннадцать героев погибли!

— Как же корабль уцелел! — спрашивает кто-то у тех, кто сходит с ледокола.

— Да случайность спасла, — слышит Максим. — Мы же брони не имеем. И пустые трюмы у нас. А фашист палил бронебойными. Они на замедленное действие рассчитаны. Корабль прошивали насквозь, не успев взорваться...

Три пробоины зияют в ледоколе. Но «Шеер» об этом не знает. Он торопливо уходит в открытое море.

ВОЙНУ ПРОСПАЛ

— Ура! — кричат полярники. Горячо обсуждая бой, они идут группами. А навстречу, виновато опустив голову, гидролог Костя.

— Что с тобой!

— Да вот, войну проспал... — смущённо улыбается Костя.

— Как проспал!

Костя только руками разводит.

Но к полярникам уже бежит человек в очках и в полушубке нараспашку, это товарищ Кости.

— С задания вернулись... — смеётся он. — Устали зверски. Заснули мертвецким сном. Сейчас проснулись — и в столовую. А там никого. Думали, рано встали. Ушли. Потоптались, потоптались — и назад. Есть хочется. А в столовой снова никого. Может, часы убежали вперёд! Костя робко к поварихе: «Как, мол, насчёт завтрака!» — «Какой завтрак! Тут горе такое. Война-была! Только что кончилась».

СПОКОЙНО!

— Так, значит, война кончилась через несколько часов у вас на Диксоне!

— К сожалению, не кончилась. Накануне Дня Победы я защищал в Ленинграде свою докторскую диссертацию. И вот слышу, кто-то говорит: «В Арктике вы, небось, и войны не видели! Холодно, спокойно, одни медведи».

Знаешь, Максим, обидно мне стало за моих друзей-полярников. Вспомнил я ребят с «Академика Шокальского». Это судно было мирным, следило, куда движутся льды, где кораблям пройти можно. И вот, когда «Академик Шокальский» шёл Карским морем, из воды высунулся перископ.

— Немцы! — успел кто-то крикнуть.

...И снова нет перед Максимом Ленинграда.

Удар! И судно пошло ко дну...

— Прыгай! — крикнули Максиму.

— Но как же! Вода ледяная...

— Прыгай! — уже приказали ему.

Он прыгнул и задохнулся. Быстрей к шлюпке, которая была спущена ещё до появления немцев. Вот она покачивается на волнах.

Но подводная лодка всплывает. Максим карабкается на проплывающую льдину. Она большая. Он отползает за ледовый нарост. И затихает. А с подводной лодки стреляют в полярников.

— Что вы делаете! — кричит Максим.

Но враги не видят его, задраивают люки. И лодка исчезает под волнами. А спущенная шлюпка качается на воде. К ней плывут несколько уцелевших полярников.

И Максим бросается в воду. Одежда тянет ко дну. Но ему помогают вскарабкаться в шлюпку. Он дрожит и не стесняется своих слёз.

— Не плачь! — говорит ему молодой небритый полярник. — Мы им отомстим!

Шлюпка ткнулась в каменистый берег острова. Молодой небритый полярник с трудом развёл костерок, собрав какие-то выброшенные волнами доски.

— Снимай одежду! Сушить будем! — приказали Максиму.

Он снимает всё, остаётся только в трусиках и подвигается поближе к пламени костра.

Разделись все.

И вдруг Максим видит эту проклятую хищную подлодку.

— Немцы! — кричит он.

С подлодки спускают шлюпку с тремя автоматчиками.

— Прячься! — командует небритый полярник с воспалёнными красными глазами и хватает сапоги. Максим тоже что-то хватает из обуви и одежды. Неважно, что это не его.

Немцы стреляют, но найти полярников в каменном хаосе почти невозможно. Максим видит, как толстый немецкий автоматчик сапожищами затаптывает костёр.

— Винтовку бы! Винтовку! — Максим шарит вокруг рукой. В руке оказывается камень. «Швырнуть! Не долетит».

А фашисты собрали оставшуюся одежду полярников, загрузили её в шлюпку «Шокальского», отвели от берега.

Максим видит, как толстый немец срывает кольцо с ручной гранаты и бросает её в шлюпку. Шлюпка идёт ко дну. Немец хохочет. Подводная лодка задремывает люки и скрывается в волнах. Теперь фашисты спокойны: голодным, раздетым людям без оружия не дойти до своих. До ближайшей полярной станции сто километров. Берега почти непроходимы. Они скалисты, изрезаны глубокими ущельями. По ущельям несутся ручьи и реки с ледников. Но небритый полярник с воспалёнными глазами встаёт в полный рост.

— Ошиблись, гады! Мы дойдём, дойдём до своих.

И Максим карабкается вслед за ним, по пояс бредёт через ледяные речки. И снова карабкается. Он уже не чувствует холода. Только бы сделать шаг! Но что это! Максим поднимает голову и хрипит:

— Самолёт! Наш самолёт! — он машет рукой. Рука бессильно падает. Но самолёт летит низко. Он заметил полярников. Заметил!

К СЕВЕРНОМУ ПОЛЮСУ

Потом Максиму кажется, что это он, а не Михаил Михайлович идёт лёгким шагом по аэродрому. Война кончилась, и ему дали приказ: «Слетать на Северный полюс». Не куда-нибудь, а на Северный полюс! Максим идёт и ног не чувствует. Это его ждёт новый мощный самолёт. Правда, не реактивный. Тогда ещё реактивных не было. Но самолёт нравится

Максиму. Пилот идёт навстречу. Вдруг Максим замечает, что пилот странно смотрит на него:

— Вы куда это собрались!

Максим недоумевает: «Неужели пилоту не сообщили о моём задании!»

— Как куда! На Северный полюс!

Пилот пожимает плечами.

— На Северный полюс в кепочке! Какой храбрый нашёлся. А если что-нибудь случится с самолётом! Хорош у вас будет вид на льдине.

— Но не возвращаться же назад! Летим! — говорит Максим.

— Так я тогда и слетал на Северный полюс в кепочке! — слышит Максим голос Михаила Михайловича. — Посадки мы не делали. Но до сих пор друзья этот случай помнят. Провожают в дорогу, шутят: «Кепочку не забыл!»

...Волны Ледовитого океана снова превращаются в спокойную воду канала. «Жаль, — думает Максим, — что всё-таки летал на полюс в кепочке не я, а Михаил Михайлович.

Максим представил, как Михаил Михайлович стоит в кепочке на льдине. Холодно! Лётчик исправляет самолёт. А Михаил Михайлович подпрыгивает, бьёт себя по бокам, чтобы согреться, растирает покрасневшие уши. А из-за ледяного укрытия смотрит белый медведь.

— А ещё белых медведей вы видели! — спрашивает Максим.

НЕОБЫЧНАЯ ОХОТА

— Видел! — ответил Михаил Михайлович. — Но ты мне лучше скажи, правильно мы идём! А то уже час в пути, а дома твоего не видно!

— Правильно! — неуверенно сказал Максим. Он огляделся, увидел знакомую решётку на берегу канала и уже убеждённо сказал:

— Правильно! Через двадцать минут будем на месте.

И когда Михаил Михайлович улыбнулся, Максим добавил:

— Мне так кажется. Может, и через пятнадцать минут...

Михаил Михайлович посмотрел на низкие тучи и вздохнул:

— Через пятнадцать минут! Сейчас такой дождь хлынет, что мы и через два часа не дойдём до твоей мамы. А она, наверное, беспокоится...

И хлынул дождь. Михаил Михайлович схватил Максима за руку. В три прыжка они оказались под железным козырьком одного из подъездов старинного дома.

Мимо, визжа, пробежали девушки. В руках они держали свои белые модные босоножки.

Дождь пошёл сильный. Но тёплый, летний. Струйки стекали с железного козырька и попадали на плечо Михаила Михайловича. Он прижался к дверям. Но дождинки всё равно задевали его. Михаил Михайлович озабоченно взглянул на часы.

— Вы опаздываете! — огорчённо спросил Максим. — Тогда идите. Я сам дойду. Уже недалеко.

— Ничего! — сказал Михаил Михайлович. — Переждём дождь, а потом быстренько добежим до дома.

Но дождь стучал по железному козырьку подъезда всё сильнее. Михаил Михайлович открыл двери и потянул Максима в подъезд. Теперь уж никакой дождь не достанет. А там, где минуту тому назад Михаил Михайлович стоял с Максимом, стеной висел ливень.

Михаил Михайлович потёр висок:

— Так о чём ты меня спрашивал! О белых медведях!

— Ага!

— Была у нас однажды необыкновенная охота... Во второй послевоенный год пошли мы на ледоколе «Северный полюс» Северным морским путём. С востока на запад. Был я тогда уже бывалым полярником. Сразу же скажу тебе, что нам не повезло. Сломался винт у ледокола. И вернулись мы назад. Но именно в этой экспедиции я присутствовал на необычной охоте. Время было голодное. А мы увидели с ледокола белого медведя. Лежит среди льдов и спокойно смотрит на ледокол. Охотники выскочили на палубу. Капитан скомандовал:

— Без моей команды не стрелять! Подойдём поближе!

Дали залп. Медведь поднялся. Отбежал назад. И снова лёг. Небось впервые в жизни видел людей.

— Спустить трап! — скомандовал капитан. — Охотники — на лёд!

А народу на палубе! Почти вся команда и вся экспедиция! Ещё бы: наконец-то белого медведя встретили. Попрыгали все на лёд. Не заметили, что охотников оттеснили. Когда рядом много людей, об опасности забывают.

Медведь отбежал. Толпа — за ним. Кричат. Медведь ещё отбежал и перескочил на плавающую льдину... Капитан ругает густым басом сво-

его дублёра. Дублёр тоненьким голоском вахтенному выговаривает: «Как допустили людей на лёд!»

А я в это время стою у другого борта. И знаешь, кого увидел!

Максим покачал головой: «Не знаю».

— Другого белого медведя. Совсем мне не хотелось, чтобы он попал на сковородку к коку. И хотя голод не давал покоя, я медведю рукой помахал: «Уходи, пока не поздно!»

Он понял. Повернулся и побежал по своим медвежьим делам. Так и кончилась эта необычная охота.

КТО ПЕРВЫЙ!

Дождь продолжался. Словно тысячи вёдер одновременно опрокинули на землю. По асфальту бежали бурливые ручьи, даже реки! Вода в канале шевелилась, вскипала, поднималась на глазах, как чёрное тесто.

Михаил Михайлович продолжал:

— Белый медведь — царь зверей. По силе он не знает себе на Севере равных. Опасен он и для человека. Сейчас мы охраняем белых

медведей. Их осталось мало. А когда я дрейфовал на льдине «Северный полюс», то белые медведи не давали нам покоя.

...Вот чёрные палатки. У полярников все палатки чёрные, чтобы солнце больше грело. Холодно, тихо. Максим стоит с Михаилом Михайловичем, оглядывается. И вдруг из-за палатки выходит медведь. Максим ахнул. Карабины-то в палатках. Михаил Михайлович бросился в одну сторону, Максим в другую. Медведь скачками догоняет. Унты свалились с ног Максима. Максим упал. «Конец!» — подумал он. Но грянул выстрел. Это Михаил Михайлович успел схватить свою винтовку. Медведь взревел и повернулся к Михаилу Михайловичу. Раненый зверь страшен! Из палаток уже повыбежали другие полярники. Поднялась пальба. Медведя не хотелось убивать, но пришлось: зачем на человека бросился!

Полярники заспорили:

— Это я попал в хищника!

— Да нет, я!

— Мне шкура должна достаться!

Михаил Михайлович оборвал спорщиков:

— У северных народов обычай есть. Шкура медведя в таких случаях достаётся тому, кто первый увидел медведя.

И все повернулись к Максиму.

— Нет, нет! — замахал руками Максим.

— Ты что! — спросил его Михаил Михайлович.

И Максим вздрогнул:

«Неужели я вслух это...» — подумал он и сказал: — Дождь всё льёт и льёт...

Они помолчали.

— А потом нам привели лайку, — тихо продолжал Михаил Михайлович. — Она первой стала замечать медведей. То она за белым хозяином Арктики гоняется, то он за ней. Нам оставалось только выстрелами отгонять непрошенных гостей. Вот так, Максим...

Михаил Михайлович посмотрел на дверь. Дождь всё ещё стучал по асфальту, но уже не так часто.

— Ах, ленинградское лето! Час — солнце, два часа — дождь. И налетает-то непогода неожиданно. Но к неожиданностям я привык. Если хочешь быть полярником, Максим, будь готов ко всему. Полярник должен быть физически сильным человеком. У нас как-то на льдине трещина появилась. Я тогда работал «прыгуном».

— Как это — «прыгнуном»? — удивился Максим. — Вы и в цирке работали!

Михаил Михайлович рассмеялся:

— В цирке я никогда не работал. А «прыгунами» у нас называли тех, кто работал в «прыгающих группах». Эти «прыгающие группы» обычно высаживали с самолёта на льдины. Пилот определял на глазок возможность посадки. Замёрзший океан — это безбрежный лёд. Лёд же в Центральной Арктике почти не имеет ровных участков. Он всегда в движении. А это движение неравномерное. Образуются трещины, разводы, нагромождения. Ветер со снегом маскирует состояние льда. Но все же опытный лётчик выбирал подходящую льдину. И сразу «прыгающая группа» приступала к работе. Время ограничено. Отдыхать некогда. Весной в марте-апреле особенно. Льдины подтаивают, становятся непрочными. На работу нам выделялось поэтому два-три дня. И прыжок на другую льдину, а потом — прыжок на третью льдину. А чтобы получить впечатление о течении — нужны хотя бы сутки.

Я был старшим «прыгающей группы». Погода стояла ясная. Определили место посадки. Приборы подтвердили, что мы на Северном полюсе. Но радоваться было некогда. Лед тонкий. Всего сантиметров пятьдесят. Весна! Быстро пробили лунку. Начали работать. Морозило. Началось движение льдов. На нашу льдину напирала другая. В тишине я услышал лёгкий звук: тмм! И прямо рядом с нашей лункой появилась трещина. Лёд начал расходиться. Трещина извивалась чёрной лентой. Уходила вдаль. Становилась шире с каждым мгном. Вот она нырнула под один из самолётов, прошла под его лыжами.

— Аврал! Спасать самолёты и имущество!

Все бросились перетаскивать тонны груза через трещину. Все превратились в грузчиков. И откуда только силы берутся!

— Самолёт! — кричит Михаил Михайлович. — Берите микрометры!..

...И Максим вместе с ним хватает кувалды, которые шутники называли «микрометрами», и бьёт по краям лыж самолёта. Они при посадке нагрелись от трения и вмёрзли в лёд. Потом к хвосту самолёта привязали верёвку и начали дёргать её:

— Эх, раз! Ещё раз!

Михаил Михайлович устал, прислонился к ледяной глыбе. Неожиданно лёд под ногами стал опускаться. Да это же трещина, заваленная снегом! А под льдиной — океан. Три тысячи метров глубины! Михаил Михайлович опёрся на ледяной треугольник и выпрыгнул из трещины.

— Что с вами! Заболели! — к нему подбежал пилот.

Михаила Михайловича посадили в кабину и отвезли в госпиталь. Очень он тогда простудился.

ПОЖАР

...У Максима сильно билось сердце. Он представил себя радистом станции «Северный полюс». Льдину несёт к Америке. Родина далеко-далеко. Единственный, кто связывает полярников с родными берегами, — это он, радист. Он вышел из своей чёрной палатки.

Михаил Михайлович вдалеке берёт пробу воды.

— Вы понимаете, друзья! Это же открытие. Воды Тихого океана проникают подводной речкой в Ледовитый! — слышит Максим голос Михаила Михайловича. И гордится: научные материалы хранятся в палатке радиста!

Он оглядывается на палатку, из неё вырывается пламя!

— Пожар!

На льдинах тогда ещё пользовались примусами, керогазами.

— Забыл выключить примус! — Радист схватился за голову. — Растяпа! Вот растяпа!

Он побежал к палатке, но в палатке начали взрываться сигнальные ракеты. С минуты на минуту мог взорваться бак с горючим.

Михаил Михайлович торопится к палатке с полярниками:

— Материалы научные погибнут! Многомесячная исследовательская работа пропадёт! Льдину назад не повернёшь! У неё же руля нет!

И тогда магнитолог — самый молодой из полярников — обогнал Михаила Михайловича, оттолкнул радиста — и в горящую палатку. Все замерли. Сердца, как часы, секунды отстукивают. Радист бросился за магнитологом. Но тот навстречу — огненным вихрем. А в поднятой руке — научные материалы. Швырнул их подальше и давай по снегу кататься, пламя с одежды сбивать. Михаил Михайлович подбежал к нему, помог встать и обнял:

— Спасибо за отвагу. — И улыбнулся. — Главным пожарным вас на льдине назначаю.

— А дождь-то кончился! — услышал Максим с улицы.

Михаил Михайлович взглянул на часы:

— Ох и попадёт нам от твоей мамы. Она уже, наверное, вернулась с работы!

Максим представил разгневанное лицо мамы и зажмурился:

— Попадёт.

Михаил Михайлович тронул его за плечо.

— Бежим!

— Но вы же об Антарктиде ещё не рассказали!

— Не до Антарктиды, Максим. Полярник должен думать не только о себе...

ДОМОЙ

Когда они бегом поднялись на четвёртый этаж к квартире, где остановились Максим с мамой, то замерли от удивления. Дверь была открыта. В прихожей стоял милиционер.

— Что-то случилось! — сказал Михаил Михайлович.

Максим пробежал мимо милиционера. В комнате приятельница мамы, молодая светловолосая тётя Аня, звонким голосом говорила по телефону:

— Больница! Алло, больница! Вы слышите меня! К вам не привозили на «скорой помощи» мальчика по имени Максим!

А мама Максима сидела за столом. Около неё стояли упакованный чемодан и сетка с коробками конфет. Мама, уткнувшись в ладони, плакала.

— Мама! Я здесь! — крикнул Максим. — Я здесь! Прости, мамочка! Я здесь!

Тётя Аня кинула трубку телефона. Мама вскочила и больно сжала Максима в объятиях:

— Ты жив! Ты жив! Но где ты был!

— Я с полярником гулял!

— С каким полярником!

— С настоящим!

— Опять фантазируешь! — мама больно шлёпнула Максима.

— Да нет. Он говорит правду! — В дверях стоял Михаил Михайлович.

— Извините, — растерялась мама. — Но мы же с Максимом опоздали на самолёт. Он уже улетел. У нас пропали билеты. — И мама огорчённо бросила на стол авиационные билеты.

Полярник спокойно взял билеты, расправил их, посмотрел на время отправления и взял телефонную трубку:

— Девушка, когда улетает самолёт на Свердловск! Что! Вылет отложен из-за погодных условий на четыре часа! — Михаил Михайлович положил трубку и сказал маме:

— Вам повезло. Самолёт ещё не улетел. Вы ещё успеете.

— Да не успеем, наверное... — мама взглянула на часы.

— Успеете, — сказал милиционер, входя в комнату. — Раз мальчик нашёлся, я вас довезу, нашу машину вызову.

— Спасибо вам, — сказала мама милиционеру.

— Спасибо вам, — сказала тётя Аня полярнику.

— Максиму повезло, что я в отпуске и случайно зашёл на работу, — улыбнулся полярник.

— Быстрей собирайтесь, — поторопил милиционер...

Когда Максим и мама сели в самолёт, Максим рассказал обо всём, что с ним произошло сегодня. А потом уснул. И ему снились льдины, гудящие самолёты над Арктикой, белый медведь, который подошёл к нему и сказал: «Просыпайся. Прилетели».

Максим открыл глаза.

— Что! Мы уже на льдине!

— На какой льдине! — рассмеялась мама. — Мы в Свердловске, — и поцеловала Максима в щёку.

— Вставай, полярник! Пора выходить.

Сорокин Л. Л.
**С 65 Маменькин сынок. Свердловск, Средне-
Уральское кн. изд-во, 1975**

84 с. с ил.

Три лирические повести о детстве, о любви к животным,
о мальчишеских мечтах.

С $\frac{0762 - 071}{M 158(03) - 75}$

P2

Содержание

Маменькин сынок	5
Про Тяпу	38
Рассказы полярника	57

Для младшего школьного возраста

ЛЕВ ЛЕОНИДОВИЧ СОРОКИН

Маменькин сынок

Редактор С. В. МАРЧЕНКО
Художественный редактор Я. И. ЧЕРНИХОВ
Технический редактор Л. М. ГОЛОБОКОВА
Корректор Г. М. СМЕРНОВА

Сдано в набор 12/XII 1974 г. Подписано в печать
5/VI 1975 г. Бумага офсетная № 1. Формат 70×90/16.
Уч.-изд. л. 5,5. Усл. печ. л. 6,1. Тираж 50 000. Заказ 676.
Цена 56 коп.
Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск,
Малышева, 24.
Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск,
пр. Ленина, 49.

56 коп.

Свердловск. Средне-Уральское книжное издательство. 1975